

Свято-Николаевский Храм Русской Православной Церкви Заграницей
г. Аделаида, Австралия

№49 ИЮЛЬ 2013

В ЭТОМ НОМЕРЕ:

1. ЦЕРКОВНЫЙ КАЛЕНДАРЬ

28 июля—День равноапостольного князя Владимира

2. СОБЫТИЯ И ЛЮДИ НАШЕГО ПРИХОДА

Поздравление настоятеля нашего храма с юбилеем

День рождения К. Дедюхиной

Заседание Приходского Совета
Требы

О.А. Демидова

День Святой Троицы

Протодьякон Андрей Кураев

3. ПРАВОСЛАВНАЯ АВСТРАЛИЯ

Протоиерей

Николай де Карлтон

4. ВОЦЕРКОВЛЕНИЕ

Шестопсалмие

5. ДУХОВНОЕ НАСЛЕДИЕ

Святитель Тихон Задонский
«О зависти»

6. СЕМЕЙНОЕ ЧТЕНИЕ

Г. Калинина

«Материнская молитва»,

А. Богатырёв «Грешницы»,

В. Ирзабеков «Никола Вешний»,

Д. Мосунова «Веточка зацвела»

Редакционная коллегия:

Протоиерей Владимир Дедюхин,

Константин и Наталия Жуковские

www.saintnicholasadelaide.org.au

E-mail: St.Nicholas.Vestnik@gmail.com

СВЯТОЙ КНЯЗЬ ВЛАДИМИР

Едва ли найдется в русской истории имя более значимое, чем имя киевского князя Владимира Святого, Крестителя Руси. Уже древнерусские книжники называли его Равноапостольным, ибо подвиг князя Владимира вполне соизмерим с апостольским: великая страна, Русь, его стараниями освещена была светом христианской веры.

Русская земля приняла христианство в качестве официальной, государственной религии, и это событие на тысячелетие определило весь ход нашей истории.

Летописцы не жалеют черных красок, изображая Владимира до принятия им христианства. Он был жесток, злопамятен и вообще наделён самыми разными пороками, среди которых, прежде всего, называют непомерное сластолюбие. Кроме того, Владимир поначалу был убежденным язычником и ярким противником христианства.

При всём том Владимир в эти годы проявляет всяческую заботу об укреплении государства. Он совершает несколько успешных походов на запад и восток. Различные области Русского государства скрепляются более прочными узами, чем прежде. Языческая реформа Владимира (установление языческого пантеона) свидетельствует о том, что князь стремится внести что-то новое и в прежние верования. Представительство в пантеоне Владимира божеств разных этнических групп Русской земли (славянских, финно-угорских, балтийских племен, остатков прежнего

иранского населения), их подчинение княжескому богу Перуну и введение единого для всей страны государственного культа Перуна — все это должно было олицетворять единство Древнерусского государства, главенство Киева и киевского князя.

Однако эта языческая реформа, изменившая лишь внешнее обличье старых богов, не могла удовлетворить Владимира. Личные поиски веры, что называется, совпали с требованиями времени. Русь окончательно теряла черты прежней военной федерации отдельных племён, превращалась в единое государство, игравшее все большую роль в европейской и мировой политике. Все это требовало изменений в сфере идеологии.

Летописи и Жития святого Владимира содержат подробный и яркий рассказ о крещении киевского князя. Далеко не сразу Владимир пришёл к своей вере. Летопись рассказывает о том, что сначала князь принял послов от волжских болгар (мусульман), латинян и хазарских евреев, предлагавших ему принять их закон. Затем в Киев явился и греческий философ, убеждавший Владимира в преимуществах православного вероучения. Владимир избрал «добрых и смысленных мужей» и отправил их в разные страны, чтобы те на деле сравнили, как поклоняются Богу разные народы. Вернувшись в Киев, «мужи» рассказали о красоте византийского богослужения: «Не знали — на небе или на земле были мы, ибо нет на земле красоты такой, и не знаем, как и рассказать об этом. Знаем только, что пребывает там Бог с людьми, и служба их лучше, чем во всех странах». Посоветовавшись с боярами и «старцами градскими» (представителями городского самоуправления), Владимир соглашается с тем, что византийская вера лучше всех остальных.

Долгое время рассказ об «испытании вер» Владимиром считали вымыслом, своего рода «сказкой». Однако это не так. Русь и в самом деле окружали страны и народы, придерживавшиеся разных вероучений, и приверженцы этих вероучений пытались привлечь к своей вере киевского князя. Летописное предание подтверждается свидетельствами иностранных источников, знающих о подобных посольствах князя Владимира. Владимир и в самом деле всерьёз размышлял о преимуществах различных вер. Но то, что в конечном итоге он выбрал христианское вероучение (причем в его восточном, православном варианте), конечно же, не случайно.

Ко времени княжения Владимира Русь уже давно и хорошо знала христианство. Христианами были и ближайшие соседи, и родичи восточных славян: поляки, чехи, болгары. Главное же заключалось в том, что русские, как и другие славянские народы, ещё за сто лет до Владимира получили возможность знакомиться со Словом Божьим на своем родном языке. Славянское богослужение, священные и богослужебные книги, переведённые на славянский язык первоучителями славян святыми Кириллом и Мефодием и их учениками, — все это давало возможность христианству укорениться на Руси, стать со временем поистине родным для народа.

К сожалению, о самом крещении князя Владимира, несомненно, главном событии его жизни, мы знаем явно не достаточно, ибо показания источников на этот счет весьма противоречивы. Летописи рассказывают о крещении Владимира под 988 годом и связывают его со взятием русскими войсками Корсуни (Херсонеса), византийского города в Крыму. Исследования современных историков (А. Поппэ) позволили прояснить ряд важных моментов, относящихся к этому эпизоду. Учитывая историческую обстановку того времени, самым разумным представляется следующее объяснение. Византия переживала трудный момент: ряд её провинций восстал, и князь Владимир оказывал помощь (по договору) императору Василию II в подавлении мятежа. Именно за оказание этой помощи, Владимир выговорил себе право жениться на принцессе Анне, но когда он поехал встречать её, то оказалось, что греки не прислали корабль с принцессой. Как считают историки, причина этого кроется не в вероломстве Василия II, который в делах политики всегда держал своё слово, а в том, что Херсонес, который и без того всегда склонялся к сепаратизму, в этот момент попал под влияние мятежников, которые контролировали все жизненно важные для Херсонеса области. Таким образом, морской путь в Киев пролегал мимо города, контролируемого мятежниками, что делало путешествие очень опасным. Именно поэтому Владимир, узнав об изменении ситуации, не только решил взять Херсонес, но и по взятии, преподнёс его василевсу (царю) в качестве дара (что выглядело бы глупо, если бы он отвоевал его у самого императора).

Владимир осаждал город в течение долгого времени – рассказывает летописец – но никак не мог взять его. Затем один из защитников города, некий Анастас (который стал впоследствии сподвижником князя Владимира и настоятелем Киевской Десятинной церкви) пришёл ему на помощь и подал совет перекопать место, где по трубам в осажденный город поступала вода. Этот поступок горожанина можно объяснить только в том случае, если понимать, что во время осады Владимир выступал не как враг, а как союзник Константинополя (летопись также говорит о лояльном отношении к Владимиру «корсунских попов», т.е. священников из Херсонеса). Получив этот совет, князь даёт обет: креститься в том случае, если город будет взят. Вся «добыча», которую Владимир взял в Херсонесе, состояла, как говорит летопись, из некоторого количества церковной утвари («поима сосуды церковные и иконы на благословение себе»), мощей святых Климента и его ученика Фива и небольшой группы этих самых «корсунских попов». Всё это было необходимо ему для собственного храмостроительства в Киеве и в других городах Руси. Один из «корсунских попов», Иоаким Корсунянин, впоследствии стал епископом Новгорода. Иначе говоря, Владимир повёл себя в Херсонесе не как завоеватель, а как союзник Василия II, который остро нуждался в помощи князя русов до окончательного подавления мятежа, которое и случилось годом позже. Именно тогда, когда обстановка нормализовалась, принцесса Анна прибыла в Херсонес, где её торжественно встретили жители.

Однако Владимира внезапно поразил тяжелый недуг: «по Божественному промыслу в то время разболелся Владимир очами, так что ничего не видел, и скорбел очень, и не знал, что делать». Анна послала к нему с такими словами: «Если хочешь избавиться от этой болезни, то крестись поскорее; иначе не выздоровеешь». Князь повелевает корсунскому епископу и священникам, прибывшим вместе с царевной, крестить себя. «И когда возложил епископ руку на него, тотчас прозрел Владимир». Владимир крестился с христианским именем Василий, что опять же указывает на его дружественное отношение к тогдашнему императору Византии Василию II.

Летопись рассказывает о свержении Владимиром языческих кумиров, поставленных им самим за несколько лет до этого. Князь повелел сплавить идол Перуна вниз по течению Днепра, причем проследить, чтобы он не приставал к берегу, пока не пройдет днепровских порогов. Так Русь распрощалась со своим главным языческим богом. После этого последовало крещение киевлян. Летопись приводит слова, с которыми Владимир обратился к своим подданным: «Если кто не придёт завтра на реку — богат ли, или убог, или нищий, или раб — да будет противник мне». Христианизация Руси растянулась, по крайней мере, на десятилетия. Первоначально новая вера утвердилась в Приднепровье и в некоторых городах в других районах. Не везде этот процесс происходил мирно. Так киевляне, гордившиеся тем, что у них крещение прошло мирно, о крещении Новгорода говорили: «Путята крестил вас мечом, а Добрыня огнём». По преданию, именно при насильственном крещении новгородцев на Руси появился обычай носить нательные кресты. Дело в том, что многие упорные язычники-новгородцы, желая избежать крещения, говорили, что они уже крестились, и тогда, чтобы не допустить обмана крестившие приказали всем новокрещённым выдавать крестики.

Есть все основания думать, что Владимир разделил города между своими сыновьями прежде всего для того, чтобы те распространяли на местах христианство. Молодые князья стремились превратить свои удельные столицы в центры, из которых просвещение, подобно лучам света от источника, расходилось по окраинам. Так просветителями Полоцкой земли летописи называют Рогнеду (одну из жён Владимира, взятую им ещё до крещения, потом же принявшую монашество) и её старшего сына Изяслава. Крещение Муромской земли возглавил князь Глеб Владимирович (правда, неудачно). Ростовскую землю удачно крестил Ярослав, сумевший победить напущенного на него язычниками зверя (должно быть медведя), чем привёл язычников в растерянность. Но, впрочем, окончательно ростовские язычники сдались лишь намного позже, когда во время длительной засухи после молебна пресвятой Богородице и пророку Илиии небо заволочло тучами, и пошёл обильный дождь. Крещение отдалённых земель шло долго и непросто, так крещение Смоленской земли помечено в летописи лишь 1013 годом. При этом христианское просвещение распространялось, прежде всего, среди славянского населения, почти не затрагивая кочевников и ряд диких лесных народов (тех же финнов). Можно сказать, что в княжение св. Владимира семена христианства были посеяны во всех концах

Русской земли, чтобы в последующем дать всходы могучей русской христианской культуры. Предание также говорит, что князь Владимир обязал знатных людей посылать своих детей в церкви к священникам учиться книжной премудрости, многие даже считают это первым упоминанием о создании школ на Руси: «...послав нача поимати у нарочитыя чади дети, даяти нача на ученье книжное».

Наряду с «корсунскими попами» Владимир привлекал на Русь священников из Болгарии. Как говорит летопись, болгарский царь по просьбе Владимира «присла иерей учены и книги довольны». Среди посланных им на Русь были «4 епископы и многи иереи, диаконы и демественники [певчие] из слявян». Это не удивительно, поскольку болгары были наследниками и продолжателями традиции Кирилла и Мефодия, переведших Писание и Литургию на славянский язык, а значит и естественными союзниками Владимира в деле построения Русской Церкви.

Принятие христианства совершенно изменило князя Владимира. Нет сомнений, что он искренне и всей душой принял новую веру. Летопись и княжеское Житие более всего отмечают его исключительное милосердие и нищелюбие. Услышав слова Писания: «Блаженны милостивые; ибо они помилованы будут» (Мф. 5, 7), Владимир начал творить множество добрых дел. Он повелел всякому нищему и убогому приходить на княжеский двор и брать все, что ему нужно, — едой, питьем или деньгами. Более того, узнав, что больные и немощные не могут добраться до его двора, князь повелел развозить для них по городу пропитание.

В историческую память народа киевский князь вошёл не только как Владимир Святой, но и как Владимир Красное Солнышко — легендарный князь русских былин, которому несли службу все русские былинные богатыри. Любовь народа снискали не только его христианские добродетели, но и неустанная забота об обороне Русской земли. Именно на долю князя Владимира выпала тяжелейшая задача борьбы с печенегами. Владимир строит «засечную черту» по южным границам своего государства — ставит города-крепости по рекам Десне, Остру, Трубежу, Суле и Стугне. Крепости соединялись мощным земляным валом. Владимир заселяет крепости на южном рубеже Русской земли «лучшими людьми» из других областей страны. Оборона Руси становится поистине государственным делом, общим для всех населяющих Русь славянских и неславянских племен.

Русские люди начали чтить память своего Крестителя уже в XI веке. Однако, по не вполне ясным причинам, официальная канонизация князя Владимира задержалась на два столетия.

Источники: С.Э. Цветков «Русская история», книга 3 и различные Интернет-ресурсы

Святитель Николай Сербский (Велимирович) о князе Владимире

Кто-то, рассуждая о Промысле Божиим, может в недоумении спросить: отчего Господь избрал крестителем, духовно переродившим русский народ, именно такого человека, который в начале своей жизни, кажется, превзошел во зле всех своих языческих предков и современников? Как будто Обративший Савла в Павла, в Апостола веры Христовой, выбирая такого закоренелого язычника для важнейшей миссии, не знал, каков был Владимир. Действительно, нелегко бывает рассмотреть все нити в тончайшей ткани Божественного Промысла, но эту нить проследить нетрудно.

Было необходимо показать всем последующим русским поколениям раскаявшегося грешника, поставить у истоков новой России просветившегося язычника, чтобы стоял он, подобно змию медному, и наставлял, укреплял и исцелял оступившихся и маловерных, всех русских христиан во все грядущие времена. Лучшее свидетельство действительности любого лекарства — исцелившийся больной. Необходимо было исцеленного князя Киевского показать тем, кто был еще болен, для того чтобы они с радостью приняли то же лекарство. Из всех чудес, что творит вера Христова, самое душеполезное — обращение грешника в праведника. И вот как свидетельство такого чуда — личного преображения — стоит святой Владимир при вратах христианской Руси и словно взывает к каждому русскому: «Я был ночь и превратися в день! Кем был ты? Кем стал ты?»

«Владимир Красно Солнышко» — так зовёт русский народ своего духовного родоначальника. Этими словами благодарный и мудрый народ наиболее точно выразил своё отношение к личности князя-крестителя. Тёмная плоть превратилась в Красно Солнышко. Вот что произошло с Владимиром. И оставался он Красным Солнышком на протяжении всей русской истории, в течение всех этих девяти столетий. А столетия эти изобиловали святыми, праведниками, чудотворцами; среди них и два сына князя Владимира — святые страстотерпцы — князя Борис и Глеб. По молитвам к ним исцелялись больные, освобождались бесноватые, воскресали мертвые. Но все они в долгу перед святым Владимиром. Им было легче стяжать святость, нежели самому Владимиру, князю, богачу, сквозь игольное ушко прошедшему в Царство Небесное, следуя неизведанным, непроторенным путем.

Следовательно, Владимир — человек необыкновенный и среди других великих людей, и среди святых. Он — основоположник святительства и святости в русском народе, первооткрыватель величия этих понятий, создавший на их основании государственную программу, необычность которой в том, что ее невозможно претворить в жизнь, пока каждый гражданин не воплотит ее, по примеру святого Владимира, в самом себе! С этого святителя-державника начинается новая Русь, новый народ, новый дух, новый путь, новая культура. Крестив русский народ в христианскую веру, святой Владимир долгую русскую ночь обратил в светлый русский день. Если бы кто-нибудь вывел из-под земли подземную реку, прорыл ей новое русло под солнцем, сделал ее прозрачной, чистой, полезной всем, он совершил бы подобное тому, что совершил Владимир с русским народом. Тёмная языческая масса, приняв Крещение, с течением времени сделалась «красным солнышком» среди народов. И можем мы воскликнуть: «Народ русский — красно солнышко!»

Митрополит Антоний Сурожский (Блум) о князе Владимире

Сегодня мы вспоминаем князя Владимира: как историческая личность князь Владимир был сложным человеком, и в нём мы видим всю сложность человеческой души, человеческой жизни, когда она возникает из сложных, стихийных недр язычества, чтобы встретиться лицом к лицу с Евангелием, с Самим Христом. Сложная историческая личность, полная порывов зла, добра; человек, который, вдруг оказавшись христианином, сумел в этой полутьме переживаний и жизни оценить Евангелие как самое драгоценное, что может быть у человека, Христа — как единственного, Кому можно подчиниться до конца и служить, и который захотел дать эту драгоценность и этого Господа всему своему народу.

Каждый православный народ особенно чтит первого из своих князей и царей, который дал своей стране Христа. На грани язычества и христианства, там, где бушуют страсти, где борьба порой бывает самая трагическая и страшная, всегда стоит человек, который имел мужество весь народ свой посвятить Богу и всему народу дать Спасителя. За это мы благодарим князя Владимира, за это мы его вспоминаем; и вместе с этим каким утешением является такая личность, как он, для каждого из нас — грешного, слабого, порой порывистого в вере, непостоянного в добре, — когда мы видим, что такой же, как мы, человек смог открыть Бога, и так глубинно, так потрясающе измениться во всем.

Молитва Святому Владимиру

О великий угодниче Божий, равноапостольный княже Владимире! Призри на немощи наши и умоли Премилосердаго Царя Небесного, да не прогневается на ны зело и да не погубит нас со беззаконьми нашими, но да помилует и спасет нас по милости Своей, да всадит в сердца наша покаяние и спасительный страх Божий, да просветит Своею благодатию ум наш, во еже оставить нам стези нечестия и на путь спасения обратиться, неуклонно же заповеди Божия творити и уставы Святыя Церкви соблюдать. Моли, благосерде, Человеколюбца Бога, да явит нам великую милость Свою: да избавит нас от смертоносных болезней и от всякаго зла, да сохранит и спасет рабов Божиих (имена) от всех козней и наветов вражиих и да все мы сподобимся с тобою вечнаго блаженства, хваляще и превозносяще Бога во веки веков.

*ДОРОГОГО О. ВЛАДИМИРА,
НАСТОЯТЕЛЯ НАШЕГО ХРАМА,
ПОЗДРАВЛЯЕМ С 60-ЛЕТИЕМ СО ДНЯ
РОЖДЕНИЯ И 25-ЛЕТИЕМ СЛУЖЕНИЯ.
МНОГАЯ ЛЕТА!*

СОБЫТИЯ И ЛЮДИ НАШЕГО ПРИХОДА

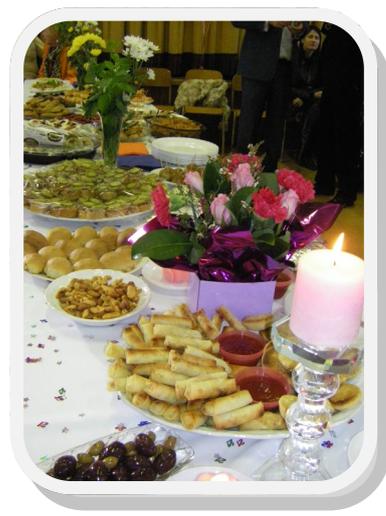
День рождения

16 июня в прицерковном зале прошло празднование 21-летия дочери нашего настоятеля – Киры. Она сама захотела отметить своё совершеннолетие в кругу прихожан. Начали с молебна. Хор пел очень душевно.

Трудами матушки Ирины и добровольных помощниц был приготовлен замечательный праздничный стол, порадовавший гостей. Чего тут только не было! И всё красивое и вкусное! Много тёплых слов сказали о своей крестнице крёстные: Татьяна Дмитриева и Георгий Берголец, а затем и отец именинницы – о. Владимир.

Тепло и дружно было в тот день. Дорогим Киричке, о. Владимиру и матушке Ирине –

Многая лета!

Заседание Приходского Совета

9 июня с.г. состоялось очередное собрание Приходского Совета. Был утверждён и с поправками принят протокол предыдущего собрания. По ходу обсуждения протокола был поднят ряд вопросов. Было отмечено, что новый стол на колёсиках для сестричества пока ещё не заказан. Далее, староста должен уладить вопрос о возможности использования кредитных карточек для платежей от прихожан на церковный счёт. Старшая сестра напомнила, что наградили грамотами не всех из тех, кого собирались наградить. Этим занимался С. Шех, но он переехал в Канберру. Было поручено доделать это К. Жуковскому. Аппарат для охлаждения и фильтрации воды был установлен в прицерковном зале (устанавливать его в церкви было бы очень дорого и сложно). На следующем собрании, когда будет присутствовать В. Михайлов, мы обсудим некоторые детали по вопросу о придании нашему храму статуса исторической ценности (Heritage Listed). Было также отмечено, что к следующему общему собранию церковный киоск представит финансовый отчёт.

Заслушали и приняли отчёт казначея за февраль, март, апрель и май. Напомнили секретарю Т. Бархатовой о необходимости собрать все протоколы в одну папку и к следующему собранию принести.

Староста сообщил, что у нас есть люди, желающие вступить в члены прихода. Это Станислав и Светлана Миняевы, а также Игорь Пышкин. Было единогласно решено принять их в члены прихода. Было также высказано предложение, что тех людей, которые крестят у нас своих детей, следует информировать о возможности вступления в члены нашего прихода.

Староста по просьбе В. Михайлова поднял вопрос о необходимости сделать на церковном крыльце пандус для инвалидных колясок. Решили: Поручить В. Михайлову взять квоты для устройства пандуса со стороны внутреннего двора.

Староста также поднял вопрос о стоимости электричества. Другие компании (Energy Australia) предлагают скидки больше нашей (13%). Было решено обратиться в нашу компанию и спросить, могут ли они дать нам такую же скидку. Если нет – перейдём в другую компанию. Надо также сравнить полную тарифную сетку в обеих компаниях.

По предложению старосты был поднят вопрос о замене остающихся старых столов на новые белые. Решили: купить ещё 10 белых складных столов (это поручено К. Жуковскому). Т. Бурлова также подняла вопрос о необходимости обновления стульев. К следующему собранию надо представить квоты на покупку новых стульев (120-150 шт.) желателен мягких и таких, которые можно ставить один на один (stackable).

По поводу предстоящей разметки для парковки, К. Жуковский посоветовал обратиться за юридическим советом к Е.В. Бегановскому, который предлагал свою помощь в этом вопросе. Староста взялся сделать это. Надо также выяснить ряд юридических деталей о детской площадке.

Д. Усиков проверит огнетушители. Старшая сестра подняла вопрос о необходимости приобретения нового морозильника (freezer) с полками. Так как есть проблемы с тем, где его разместить, надо сначала куда-то деть старый и освободить тем самым место. Староста предложил, чтобы Д. Ужигаяева в магазине выбрала подходящую модель и сказала ему номер модели, а он найдёт, где эту модель можно купить дешевле.

Т. Бурлова предложила нанять профессионалов для ремонта зала и чтобы они заодно сделали встроенную мебель. О. Владимир предложил взять подробную квоту на все виды работ и посмотреть, что из этого мы должны заказать, а что можем сделать сами (например, замена плиток на потолок). О. Владимир обратил внимание, что дверная рама повреждена термитами и нуждается в замене. Ступеньки на школьной лестнице тоже в плохом состоянии. Мы можем спросить совета у П. Токарева, чтобы он помог найти подрядчика (надо взять квоты от 2-3 подрядчиков). Решили поручить организовать квоту В. Михайлову. Надо также вставить разбитое стекло в скаутском павильоне. Батюшка переговорит с Олжасом по поводу ремонта стекла и порядка в павильоне. На этом собрание было закрыто.

К. Жуковский

Требы

Крестины

18.08.12. Светлана (Synthia) (21.03.03.)

Родители: Nick Huang, Раиса Huang

18.08.12. Димитрий (Dylan) (18.12.00.)

Родители: Юрий (Gui-Lin) Chen, Римма Chen

15.09.12. Антоний (24.12.11.)

Родители: Александр Феликсович Вороненко,
Ольга Владимировна Живоглядова

22.09.12. Николай (28.01.12.)

Родители: Tu Herold Goulter, Евгения
Геннадьевна Назарьян

17.11.12. Даниил (8.06.12)

Родители: Максим Геннадьевич Нартов,
Елена Валерьевна Луганская

8.12.12. Мелания (Камилла-Николь) (2.05.12.)

Родители: Vince Conte,
Лариса Юрьевна Мелюханова

10.01.13. Анна (15.08.12.)

Родители: Алексей Александрович Алёшин,
Вероника Алексеевна Юркова

11.01.13. Николай (29.08.12.)

Родители: Евгений Владимирович Громченко,
Елена Викторовна Кошманова

12.01.13. Иоанн (2.02.12.)

Родители: Николай Иванович Коколакис,
Анастасия Валерьевна Терехова

26.01.13. Максим (30.01.12.)

Родители: Александр Дмитриевич Потабеков
(Кантер), Ирина Владимировна Кантер

16.02.13. Лука (25.04.12.)

Родители: Павел Андреевич Белкин,
Renae Pateman

23.02.13. Елизавета (19.07.11.)

Родители: Александр Арнольдович Трушкин,
Анна Владимировна Остапенкова

2.03.13. Виктория (Ярослава) (19.07.12.)

Родители: Владимир Петрович Владимиров,
Елена Николаевна Власенко

9.03.13. Мария (Мариска) (21.06.12.)

Родители: Михаил Иванович Гончаров (Vorin),
Erica Dawner

20.04.13. Платон (28.09.11.)

Родители: Александр (Станислав) Сергеевич
Миняев, Светлана Алексеевна Бунькова

21.04.13. Панагиотий (Pedro) (29.12.12.)

Родители: Pavlo Montero Dasilver,
Olivia Nassaris

15.06.13. Александр (5.01.12.)

Родители: Вячеслав Игоревич Шуруев,
Kelle Ann Crowhurst

22.06.13. Христофор (2.06.12.)

Родители: George Kareklas,
Анастасия Игоревна Беляева

29.06.13. Лев (13.02.13.)

Родители: Kai Tingey,
Анастасия Васильевна Михайлова

Венчания

12.08.12. Neill Scott Barns и Надежда
Алексеевна Шаповалова

17.05.13. Симон Владимирович Дедюхин и
Тамара Михайловна Черных

Отпевания

5.09.12. Валентина Турчинович
(28.06.1923 – 31.08.2012)
Кладбище: West Terrace Cemetery

24.10.12. София Муравьева
(10.04.1925 – 18.010.2012.)
Кладбище: Dudley Park Cemetery

26.10.12. Татьяна Труханова
(22.02.1965 – 24.10.2012)
Кладбище: Centennial Park Cemetery

4.04.13. Ольга Васильевна Чашина
(16.03.1928 – 30.03.2013)
Кладбище: Enfield Memorial Park

2.12.12. Мария Горски
(13.01.1921 – 30.11.2012)
Кладбище: Cheltenham Cemetery

14.06.13. Ольга Алексеевна Демидова
(21.07.1943 – 8.06.2013),
Отпевал о. James Karles
Кладбище: Frenchs Forest Bushlands Cemetery
(Сидней)

13.12.12. Елена Александровна Чуб
(4.05.1936 – 11.12.2012)
Кладбище: г. Москва, Россия

14.06.13. Владимир Товстый
(5.08.1951 – 9.06.2013)
Кладбище: Dudley Park Cemetery

3.01.13. Яков Стрельников
(3.04.1924 – 30.12.2012)
Кладбище: Cheltenham Cemetery

Ольга Алексеевна Демидова

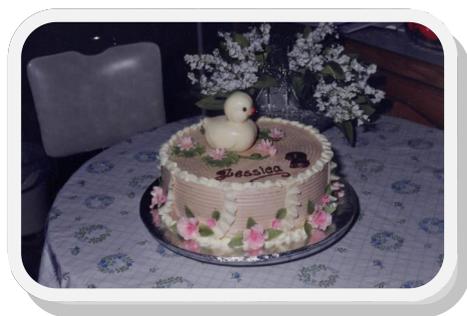

Ольга Алексеевна Демидова родилась в июле 1943 года на станции Яблоня на Китайско-Восточной Железной Дороге. Восьмилетней девочкой вместе с семьёй попала в Бразилию. Прожив в Бразилии несколько лет, семья переехала в Австралию, в г. Брисбен. Со временем Ольга вышла замуж, родила сына Алексея. В 1990 году овдовела, и через несколько лет переехала в Аделаиду, став активной помощницей в нашем сестричестве. К любому событию в приходе Ольга Алексеевна пекла красивейшие торты. Каждый её торт был настоящим произведением искусства.

В этом году, на Пасху, Ольга неожиданно почувствовала себя очень плохо. Попав в больницу, узнала о страшном диагнозе и об очень коротком сроке жизни, который отпустили ей врачи. К сожалению, врачи не ошиблись, и, прожив месяц, 8 июня Ольга Алексеевна умерла в сиднейском госпитале, куда забрал её сын. Отпевание прошло в часовне Frenchs Forest Bushlands Cemetery (Сидней).

Царство небесное!

Незабываемые торты, сделанные Ольгой

День Святой Троицы

**Е.А.Губина и
М.В. Воронина**

В день Святой Троицы, в воскресенье, 23 июня, после праздничной Литургии в прицерковном зале состоялся традиционный школьный обед и концерт, где выступали ученики Свято-Николаевской Церковной Школы.

Перед концертом Павел Альвианович Токарев поблагодарил тех, кто помог подготовить и провести этот обед. Особенно он отметил работу старшей сестры Дионисии Ужигаевой, а также Евгении Губиной и Людмилы Хит, которым вручил от лица родительского комитета цветы.

Затем, руководимый Павлом детский школьный хор, исполнил несколько духовных песнопений: «Богородице Дево, радуйся», «Коль славен» и другие. Кроме этого дети исполнили несколько подготовленных ими под руководством Наталии Васильевны Станько народных песен, а также Эмилия и Лидия Токаревы

исполнили несколько сольных номеров на фортепиано. Дети старались, и всем очень понравилось.

После концерта был разыгран главный приз лотереи – торт, испечённый Евгенией Александровной Губиной, а второй торт, пожертвованный Наталией Станько, был продан с «американского аукциона». Помог продавать торт Павел Токарев.

Спасибо всем, кто помог подготовить обед, ну, и конечно, учителям школы, которые на протяжении всего учебного года отдают свой труд и знания нашим детям.

К. Жуковский

Школьный хор

Визит в Австралию и Новую Зеландию

Протодиакона Андрея Кураева

*По благословию Высокопреосвященнейшего Митрополита Илариона
Австралийско-Новозеландскую епархию посетит с лекциями*

профессор Московской Духовной Академии

Протодиакон Андрей Кураев

В нашем храме встреча и лекция состоится

в понедельник, 5 августа, в 18:30

Вход свободный.

Самый молодой профессор богословия в России

Патриарх Алексий II позволял ему спорить с собой.

А с ним самим кто только не спорил: от буддистов до староверов.

Ректор МГУ В.А. Садовничий вручил ему медаль “Почетный выпускник МГУ”.

А рериховцы заранее илюют в ректораты и прокуратуры письма с требованиями запретить его лекции.

Кто же он, самый молодой персонаж словаря “Философы России XIX–XX столетий”, ставший и самым молодым (в 35 лет) профессором богословия в истории России?

Протодьякон Андрей Кураев – профессор Московской Духовной Академии; старший научный сотрудник кафедры философии религии и религиоведения философского факультета МГУ. Родился в Москве на Сретенье 1963 года (15 февраля). В 16 лет поступил в МГУ. В 1984 г. окончил философский факультет МГУ по кафедре истории и теории научного атеизма, поступил в аспирантуру Института философии АН СССР; в 1985 г. перешёл на работу в Московскую Духовную Академию. В 1988 г. окончил Московскую Духовную семинарию, после чего учился в Бухарестском Богословском институте. По возвращении из Румынии с 1990 по 1993 г. работал референтом Патриарха Московского и всея Руси Алексия. В 1992 г. окончил Московскую Духовную Академию. В 1993-1996 гг. декан философско-богословского факультета Российского Православного Университета св. Иоанна Богослова. С 1997 года – профессор Свято-Тихоновского Православного Богословского Института. С осеннего семестра 2004 года основное место работы – Московская Духовная Академия (чтение лекций в Свято-Тихоновском институте (ныне Университете) при этом продолжается). В 1994 г. в Институте философии РАН защитил диссертацию на соискание ученой степени кандидата философских наук. В 1995 г. защитил кандидатскую диссертацию по богословию в Московской Духовной Академии. В 1996 г. Патриархом Алексием по представлению учёного совета РПУ присвоено ученое звание профессора богословия. Решением Синода от 12 марта 2002 года включён в состав редколлегии сборника «Богословские труды». Решением Синода от 24 декабря 2004 года включён в состав Синодальной Богословской комиссии. 15 февраля 2003 года Патриархом Алексием награжден орденом преп. Сергия Радонежского 3-й степени. Член экспертно-консультационного совета по проблемам свободы совести при Комитете Государственной Думы РФ по делам общественных организаций и религиозных объединений.

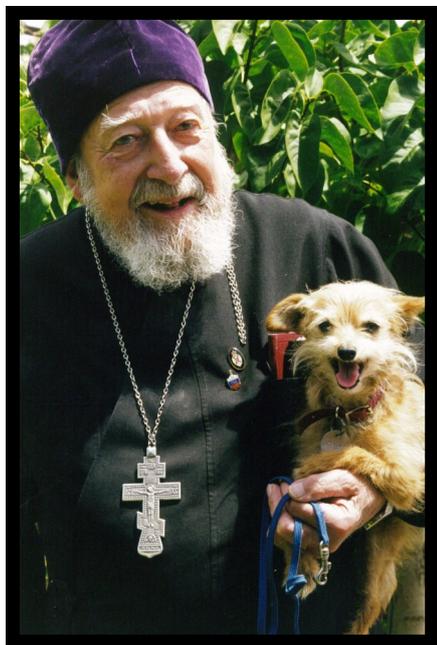
Решением Синода от 31 марта 2009 года включён в состав Церковно-общественного совета по защите от алкогольной угрозы. Член экспертно-консультационного совета по проблемам свободы совести при Комитете Государственной Думы РФ по делам общественных организаций и религиозных объединений.

Вплоть до конца 2007 года служил в храме Рождества Иоанна Предтечи на Пресне, затем — храме Архангела Михаила в Тропарёве. 5 апреля 2009 года во время литургии в Исаакиевском соборе был возведён Патриархом Кириллом в сан протодиакона с возложением двойного ораля и камилавки за активное миссионерское служение и работу с молодёжью.

Писатель, богослов, философ и публицист, светский и церковный учёный, проповедник и миссионер, автор официального учебника по Основам православной культуры.

По задумке режиссёра Валерия Отставных, религиоведа, сотрудника Миссионерского отдела Тульской епархии, на областной православной видеостудии «Свет» был снят документальный фильм под названием «48 часов из жизни диакона Андрея Кураева» повествующий, в соответствии со своим названием, о 48 часах из миссионерской жизни в поездке в Тулу. В основу фильма были положены впечатления съёмочной группы, а также откровенный рассказ героя фильма о себе самом, своей жизни, своём будущем. По словам В. Отставных, мысль создать подобную киноленту возникла от желания показать образ современного миссионера, живущего в XXI веке.

ПРАВОСЛАВНАЯ АВСТРАЛИЯ

1 июня этого года на 85 году жизни скончался протоиерей Николай де Карлтон, священник РПЦЗ

Протоиерей Николай де Карлтон родился в Сиднее в 1929 г. Он австралиец во втором поколении из англосаксонского и кельтского родов. Представители рода де Карлтон прославились во многих областях и достигли известности в деле укрепления мощи и расцвета Британской империи в XIX веке. Первую половину своей жизни о. Николай был мирянином в англиканской церкви. В молодости о. Николай работал в социальной службе при англиканской церкви и помогал нищим на улицах Сиднея. После Второй мировой войны 3,5 года служил в Королевском австралийском Военно-Морском Флоте, а потом был резервистом. Затем он поступил в англиканскую духовную семинарию в Брисбене. Через о. Джона Хопа, англиканского священника в церкви Сиднея, в которой русские православные совершали свои богослужения до постройки кафедрального собора в Стратфилде,

познакомился с русским Православием. О. Джон Хоп был большим русофилом и вложил такую же любовь в сердце о. Николая.

В 1965 году правящим епископом Игнатием (будущим патриархом Антиохийским) о. Николай был принят в православную церковь через миропомазание. По приглашению епископа Игнатия в 1967 году он поехал в Северный Ливан, где поступил в Баламандский православный ставропигиальный мужской монастырь Антиохийской Православной Церкви. В монастыре, будучи послушником, он преподавал английский язык и литературу арабским детям, которые посещали монастырскую школу.

В 1969 году он был посвящен в иподиаконы в Свято-Георгиевском соборе г. Триполи. Там он остался помогать местному архиерею с английской корреспонденцией. Митрополит Епифаний Северо-Ливанский рукоположил о. Николая в диаконы 13 апреля 1975 г., а 17 апреля того же года – в священнический сан. Находясь в Ливане, о. Николай помогал арабам в умиротворении национальных вопросов и с большой сострадательной любовью относился к печальному положению палестинцев. Во время гражданской войны в Ливане о. Николай неоднократно направлялся в разные точки конфликта, пользуясь своими знакомствами в Бейруте и на Кипре.

После 9 лет пребывания в Ливане, он возвратился в Австралию. В 1986 году о. Николай был назначен вторым священником в Свято-Николаевский храм Антиохийской Церкви в Сиднее. В 1991 году он ушёл на покой и переехал жить на Тасманию. В 1993 г. о. Николай познакомился с русским православным приходом в Хобарте, и 31 июля 1996 года на основании письменного прошения был принят Архиепископом Иларионом в лоно РПЦЗ. С 1996 года он был вторым священником в Крестовоздвиженском храме в Хобарте, а в августе 1999 года о. Николай переехал жить в «русскую деревню» в Данденонге, где до своего ухода на покой в 2010 г. служил в Богородице-Успенском храме, помогая настоятелю, митрофорному протоиерею Михаилу Протопопову.

В 2000 году Архиерейский Синод РПЦЗ наградил о. Николая золотым наперсным крестом в ознаменование его 25-летнего служения святому православию. В 2005 г. о. Николай был возведён в сан протоиерея, а в 2009 г. получил право на ношение Палицы. Последние три года о. Николай из-за болезни находился на покое.

Похороны протоиерея Николая де Карлтона прошли в Богородице-Успенском храме. Рано утром служилась Заупокойная Литургия. Проститься с о. Николаем пришли прихожане, друзья и родственница (племянница из Сиднея). Чин отпевания возглавил настоятель храма о. Михаил Протопопов, ему сослужили: протоиереи Николай Карыпов и Николай Даленкевич, протодиакон Александр Абрамов из Покровского Собора; иерей Михаил Балой от Сербской Православной Церкви, иерей Джеф Харви от Антиохийской Православной церкви, иерей Иоанн Димитров и иеромонах Гавриил Гаврас.

В последнем слове об усопшем о. Михаил Протопопов напомнил всем, кто пришёл проводить о. Николая в последний путь, о его жизни. А жизнь о. Николая де Карлтона была насыщенной и интересной. Так, например, во время пребывания на Ближнем Востоке ему довелось лично общаться со многими лидерами тех стран. Он также отметил, что усопший был человеком с высокой гражданской позицией, не равнодушным и скромным. Он был чутким и внимательным исповедником. В памяти прихожан о. Николай де Карлтон останется добрым батюшкой, который был русским по духу и англосаксонцем по происхождению.

После похорон состоялись поминки, которые заботливо подготовили сестричество, прихожане и Русское Благотворительное общество им. Святого Праведного Иоанна Кронштадтского. Похоронен о. Николай на кладбище в Спрингвайле.

Вечная Ему память!

По материалам www.rocor.org.au

ВОЦЕРКОВЛЕНИЕ

Шестопсалмие

Шестопсалмие – это основа первой части утрени (*Прим.*: утренняя почти всегда совершается сразу по совершении вечерни, т. е. вечером). Оно включает шесть избранных псалмов царя Давида: 3, 37, 62, 87, 102 и 142. Шестопсалмию молящиеся внимают с особым сосредоточенным благоговением. О важности этой части утреннего богослужения свидетельствует то, что шестопсалмие во все почти время года читается безотложно на каждой утрени, повседневной, субботней и воскресной (исключение составляет Светлая Пасхальная седмица). Ввиду важности шестопсалмия, его читают на середине храма, **внятно и неспешно**. Чтобы внимание слушающих ничем не отвлекалось при чтении шестопсалмия, чтобы они могли удобнее углубляться в смысл читаемого, устав Церкви пред началом чтения полагает погашать все яркие светильники и оставлять молящихся в полумраке. Наступившая темнота знаменует ту глубокую ночь, в которую пришёл на землю Христос, прославленный ангельским пением: «Слава в вышних Богу». Полумрак храма способствует большей молитвенной сосредоточенности.

Иеромонах Иов (Гумеров): "Богослужение утрени посвящено молитвенному воспоминанию основных новозаветных событий. Время шестпсалмия символически изображает состояние человечества, погруженного в духовную тьму перед приходом в мир Спасителя мира. Свечи погашены. Горящие лампы напоминают мерцание звезд той Вифлеемской ночи, когда родился в вертепе Богомладенец. Поэтому шестпсалмие (греч. ексопсалмос) предваряется ангельским песнопением, которое слышали в ту ночь пастухи: «Слава в вышних Богу, и на земли мир, во человецех благоволение» (Лк. 2, 14)".

Эта ангельская песнь читается трижды. Затем дважды произносится стих из 50-го псалма: «Господи, устне мои отверзеши, и уста моя возвестят хвалу Твою», в которых содержится краткая молитва к Богу о том, чтобы Он Сам Своєю благодатью открыл уста грешного человека к достойному возвещению славы Его.

И затем читаются псалмы, разделенные на две части. Шестопсалмие напоминает нам о пришествии Спасителя и о необходимости покаяния в деле нашего спасения. Псалмы эти исполнены покаяния и умиления. В псалмах шестопсалмия изображается греховное состояние людей, исполненное бед и напастей, и горячо выражается ожидающаяся людьми единственная надежда на милосердие Божие. Они равномерно взяты из всех частей Псалтири (3, 37, 62, 87, 102 и 142).

«Псалмы выбраны однородного содержания и тона, господствующего в Псалтири; именно все они изображают преследование праведника врагами и его твердую надежду на Бога, лишь растущую (Пс.3:8; 62:6) от увеличения преследований (пс.3:2-3; 37:7-8; 87:4-5) и в конце достигающую ликующего успокоения в Боге (пс.102)»
(М.Скабалланович. Толковый Типикон. Всенощная).

Типикон предписывает слушать их со вниманием и страхом, "яко самому Богу невидимо беседуяще, и молящяся о гресех наших". Устав не позволяет во время чтения шестопсалмия никаких разговоров (даже шепотом), хождения по храму, даже возбраняет чихнуть или кашлянуть. Если кто-то вошел в храм во время шестопсалмия, то надо остаться у входа до окончания чтения и лишь после пройти на свое место.

Иеромонах Иов (Гумеров): "Во время чтения необходимо соблюдать благоговейную тишину. Нельзя ходить или сидеть (кроме больных): «но паче внимати от псаломника глаголемым, руце имуще согбены к персем, главы же преклонены, и очи имуще долу, сердечныма очима зряще к востоком, молящяся о гресех наших, поминающе смерть и будущую муку и жизнь вечную» (Типикон. 49-я гл.)".

Есть церковное предание о том, что Страшный суд Христов будет длиться столько, сколько по времени читается шестопсалмие. И мы, собравшись в храм как на суд Божий, предстоя пред Господом во время чтения этих дивных псалмов, должны помышлять о суде Божиим. Вслед за Псалмопевцем, говорящим о страшном состоянии человека на земле: Господи, что ся умножиша стужающии ми? Мнози востают на мя, мнози глаголют души моей: несть спасения ему в Бозе его, через благодарение Богу, очищающаго вся беззакония твоя, исцеляющаго вся недуги твоя, избавляющаго от исления живот твой, твердо уповая на правду Божию, милость на Суде и на спасение: услыши мя в правде Твоей и не вниди в суд с рабом Твоим, Дух Твой благий наставит мя на землю праву, прорывается человеческая душа от рабства диаволу и греху к своему Творцу и Спасителю.

Также на шестопсалмии совсем отменяются поклоны. После первых трех псалмов на «Аллилуия» полагается крестное знамение без поклона и только по окончании всего шестопсалмия при заключительном «Аллилуия» - три поклона.

Старец Паисий Святогорец на вопрос: "Геронда*, а почему мы не садимся на шестопсалмии?" - отвечал: "Потому что оно символизирует Страшный Суд. Поэтому хорошо, если во время чтения шестопсалмия ум идет на час Страшного Суда".

В середине шестопсалмия, во время начала чтения 4-го, самого скорбного, наполненного смертной горечью псалма, священник выходит из алтаря и перед царскими вратами про себя продолжает читать 12 особых "утренних" молитв, которые он начал читать еще в алтаре, перед престолом. В этот момент священник как бы символизирует Христа, Который услышал скорбь падшего человечества и не только сошел, но и до конца разделил его страдания, о которых говорится в читаемом в это время 87 псалме.

В "утренних" молитвах, которые священник читает про себя, содержится моление о стоящих в храме христианах, просьба простить им их грехи, дать искреннюю веру и нелицемерную любовь, благословить все их дела и удостоить Царства Небесного.

*Геронда (Геронта) - обращение верующих к Старцу, примерно соответствующее нашему "бабушка".

Источнику: <http://verappravoslavnyaya.ru/?Shestopsalmie>
<http://www.pravoslavie.ru/put/biblio/molitva/75.htm>

ДУХОВНОЕ НАСЛЕДИЕ

Святитель Тихон Задонский «О зависти»

Но если в вашем сердце вы имеете горькую зависть и сварливость, то не хвалитесь и не лгите на истину. Это не есть мудрость, нисходящая свыше, но земная, душевная, бесовская, ибо где зависть и сварливость, там неустройство и все худое (Иак 3:14-16).

§ 78. «Зависть есть печаль о благополучии ближнего», — говорит Василий Великий в Слове о зависти. Опечалился Каин, и поникло лицо его. А отчего? Поскольку видел, что брат его Авель от Господа всех за приношение даров похвален, а он из-за своей лености отринут. Старший брат блудного сына, как, идя с поля, услышал ликование и пение в доме отца своего и узнал, что веселье то было из-за брата его, которого благоутробный отец здоровым вновь обрел, осердился и не хотел войти в дом отца своего, и быть участником веселья того (Лк 15:25—30). Праведна причина веселья: брат его *был мертв и ожил, пропадал и нашелся*. Но он на то не смотрит, то ему не любо, что ради брата его телец упитанный заколот и ради благополучия его отец его со всем домом ликует. Так зависть печалится о добре ближнего и благополучие брата своим неблагополучием считает! Эту печаль бесполезную приписывает зависти и святой Златоуст, говоря: «Зависть благополучие ближнего своего считает своим неблагополучием» (Беседа 52 на Книгу Бытия).

§ 79. Зависти корень и начало есть гордость. Гордый, поскольку хочет выше прочих вознестись, не может терпеть, чтобы кто-нибудь ему равен, а тем более выше в благополучии был, потому и негодует о возвышении его. Смиранный же завидовать не может, ибо видит и признает свое недостоинство, прочих же достойнее себя считает; потому и о дарованиях их негодования не имеет. Страсть эта есть только у тех, которые мнят о себе, что они нечто в мире, и так о себе высоко мечтая, прочих ни во что вменяют. Так негодует гордый Саул на кроткого и смиренного Давида, что ему более похвалы приписали ликующие жены, как сам признал и сказал Саул: *Давиду дали десятки тысяч, а мне тысячи* (1 Цар 18:8). Почему и начал гнать неповинного.

§ 80. Цель зависти — чтобы того, кому завидует, видеть в неблагополучии. Она тогда рождается, когда другого начинается благополучие; тогда перестает, когда перестает его благополучие и начинается злополучие. Так завистью праотцы наши с высокого блаженства в бедственное состояние низринуты. Зависть Каина научила восстать на брата своего Авеля и убить. Зависти дело, что Иосиф продан во Египет. Зависти приписать должно, что иудеи Христа, Господа и Благодетеля своего на Крест вознесли. Так от гордости начинается зависть, от зависти — ненависть, от ненависти — злоба; злоба к неблагополучнейшему приводит концу. Почему и святой Златоуст говорит: «Корень убийства зависть» (На Бытие беседа 54-я).

§ 81. Зависть — мучительная страсть и смеха или, скорее, плача достойна, ибо таким ядом дьявольским человеческое заражено сердце. Прочие страсти некое, хотя мнимое, услаждение имеют, а завистливый грешит, а вместе с тем и мучается. Неудобна Аману, врагу иудейскому, как сам признает, ни слава, которой возвеличил его царь, ни богатство, которым изобилывал, ни та честь, что к царице с царем на пир позван был: «Этого, — говорит, — всего не довольно для меня». Что тому причиною? Не обидел ли тебя кто, Аман? Не похитил ли кто твоих пожитков? Или не оклеветал ли кто тебя перед царем? Здоров ли сам, или домашние твои? Или не смущает ли тебя страх неприятельский? Нет! Нет ничего того. Что тогда? Что смущается сердце твое? О чем скорбишь посреди такой славы и богатства? Что склоняешь голову свою? Что дряхл и уныл ходишь? Что темнеет лицо твое? Чего тебе, первому советнику царскому, недостает? Одного

только скипетра и державы царской не имеешь. «Нет, — говорит Аман, — всего этого не довольно для меня, ибо вижу Мардохея в благополучии. Всего этого не довольно для меня, когда вижу Мардохея Иудеянина во дворе царском. Ничто меня — ни слава, ни честь, ни богатство — не веселит, поскольку вижу Мардохея у царя в милости» (Есф 5). Так завистливый грешит и вместе с тем казнь принимает, незаконничает и мучается! И от этого видеть можно, как гнусен порок зависти и посмеяния достоин! Печалиться о том, что ближний веселится; сетовать и снedaться, что брат в благополучии цветет — не смеха ли достойное дело? Всякий это может признать, только дьяволу свойственно такое дело: дьяволу печально и несносно, что христиане спасаются и вечную получают славу, от которой он низринут в вечную погибель и бесчестие.

§ 82. Из вышесказанного всякому видно, сколь и пагубна эта страсть. Поскольку:

1) Собственный грех есть дьявола, который этой язвой прародителей наших, а с ними и нас умертвил. Ибо дьявольское дело есть радоваться о гибели человеческой и печалиться о спасении, что зависти свойственно.

2) Демон не завидует подобному демону, но человеку; а человек человеку, брат брату, сродный сродному, подобный подобному завидует, который должен *радоваться с радующимися и плакать с плачущими*, как учит апостол (Рим 12:15); чему нельзя не удивиться или, более того, чего оплакать достойно невозможно. Так-то сатана ядом своим заразил сердце наше!

3) Зависть, как сказано в § 78, приводит ко всякому неблагоприятнейшему концу тех, на которых вооружается.

4) Зависть и тем завидует, от которых благодеяние получает; ей и доброхот немил, она и благодетеля гонит. Кто больший иудеям благодетель был, чем Христос, Спаситель мира? Мертвецов их воскресил, слепых просветил, прокаженных очистил и прочие чудесные благодеяния сотворил. Но зависть на то не смотрит. Она советует: *Что нам делать? Этот Человек много чудес творит. Если оставим Его так, то все уверуют в Него* (Ин 11:47-48). Она не рассуждает, не почитает высокого добра, а поучается убить благодетеля. Питай, одевай, береги, защищай, обогащай, утешай завистливого, как хочешь, — ему то неприятно. Поскольку ты благополучен, тебя все любят, хвалят, почитают. Это уязвляет его сердце, которого любовь и благодеяние твое исцелить не может. И до тех пор уязвлять будет, пока не увидит тебя в бедствии.

5) Зависть и тех, которыми обладает, к бедственному приводит концу. Ибо, кроме того, что вечному мучению повинными их делает, и временному бедствию подвергает. Так Каин стенает и трясется; Аман, вознесенный на дерево, которое Мардохею израильянину готовил, погибает. Поэтому святой Златоуст говорит: «Завистливый, желая погубить иного, и самого себя губит» (Беседа 55 на евангелиста Иоанна). Но, хотя бы не было какого-то другого внешнего бедствия завистливому, довольно ему внутреннего, довольно того, что внутри снedaется, мучается и терзается собственным мучителем.

§ 83. Средство против этого злого и пагубного недуга такое примечается:

1) Гордость, от которой зависть, как сказано, рождается, должно с помощью Божией отложить, и так, без злого корня, и злого плода не будет. «Зависть, — говорит Августин, — есть дочь гордости: умертви мать, и дочь ее погибнет».

2) Поучаться в любви ближнего — так зависть упадать будет. Ибо *любовь не завидует*, — говорит апостол (1 Кор 13:4). И хотя в сердце и будет ударять пагубная эта стрела, но оно духом любви действию ее станет противиться и побуждать себя, и нехотящего, к благодарению Бога, что ближний в благополучии находится. Так всякое внутреннее зло исцеляется и, как говорят, клин клином вышибается. Должны мы принуждать себя ко всякому добру и делать не то, что злое сердце хочет, а чего вера и совесть христианская требует: *употребляющие усилие восхищают царствие небесное* (Мф 11:12). Так противимся злобе и мщению, роптанию и хулению и прочим страстям и принуждаем себя к терпению и прочему благочестию. Что сначала не без трудности, но после с помощью Божией удобно будет.

3) Думать и без сомнения верить, что в мире этом нет ничего великого и удивления достойного, и нет истинного блаженства, кроме вечного и небесного. А когда в этом мнении находиться будем, то и зависть ослабеет и недействительна будет. Ибо зависть рождается от благополучия ближнего; но когда благополучие временное, то есть честь, богатство и прочее, благополучием истинным считать не будем, то и завидовать тому не будем. Если, земное

презрев, будешь искать небесного, то ни чести, ни славе, ни похвале, ни богатству, ни благородству не будешь завидовать, ибо несравненно лучшего желаешь. Князь и вельможа не завидует похвале сапожника, портного, столяра и прочих мастеров, поскольку намного лучшую имеет. Так и временному, жалкому и, так сказать, мнимому не завидует тот, кто постоянного и истинного вечного блаженства ищет. Хочешь ли от мучительной этой язвы не снестаться и не повредиться? Вменяй временное все как ничто, и так не будет она в тебе иметь места.

Источник: Святитель Тихон Задонский, том 3, стр 381-387, Москва, 2003

СЕМЕЙНОЕ ЧТЕНИЕ

Из книги Галины Калининой «Православной маме: в ожидании первенца».

Материнская молитва

“Материнская молитва со дна моря достанет” – эту пословицу, конечно, знают все. Но многие ли верят, что пословица эта сказана не только для красного словца, а совершенно истинна и за многие века подтверждена бесчисленными примерами.

Отец Павел рассказал мне случай, происшедший с ним. Он рассказал его, как будто всё так и должно было быть. Меня же этот случай поразил, и я его перескажу, думаю, что он удивителен не только для меня.

На улице к отцу Павлу подошла женщина и попросила его сходить к её сыну. Исповедать. Назвала адрес.

– А я очень торопился, – сказал отец Павел, – и в тот день не успел. Да, признаться, и адрес забыл. А ещё через день рано утром она мне снова встретилась, очень взволнованная, и настоятельно просила, прямо умоляла пойти к сыну. Почему-то я даже не спросил, почему она со мной не шла. Я поднялся по лестнице, позвонил. Открыл мужчина. Очень неопрятный, молодой, видно сразу, что сильно пьющий.

Смотрел на меня дерзко, я был в облачении. Я поздоровался, говорю: ваша мама просила меня к вам зайти. Он вскинулся: «Ладно врать, у меня мать пять лет как умерла». А на стене её фотография, среди других. Я показываю на фото, говорю: «Вот именно эта женщина просила вас навестить». Он с таким вызовом: «Значит, вы с того света за мной пришли?» – «Нет, – говорю, – пока с этого. А вот то, что я тебе скажу, ты выполни: завтра с утра приходи в храм» – «А если не приду?» – «Придешь: мать просит. Это грех – родительские слова не исполнять». И он пришёл. И на исповеди его прямо трясло от рыданий, говорил, что он мать выгнал из дому. Она жила по чужим людям и вскоре умерла. Он даже и узнал-то потом, даже не хоронил.

Он пришёл в тот день. А вечером я последний раз встретил его мать. Она была очень радостная. Платок на ней был белый, а до этого тёмный. Очень благодарила и сказала, что сын её прощен, так как раскаялся и исповедался, и что она уже с ним виделась. Тут я уже сам, с утра, пошёл по его адресу. Соседи сказали, что вчера он умер, увезли в морг.

Вот такой рассказ о Павла. Я же, грешный, думаю: значит, матери было дано видеть своего сына с того места, где она была после своей земной кончины, значит, ей было дано знать время смерти сына. Значит, и там её молитвы были так горячи, что ей было дано воплотиться и попросить священника исповедать и причастить несчастного раба Божия. Ведь это же так страшно – умереть без покаяния, без причастия. И главное: значит, она любила его, любила своего сына, даже такого, пьяного, изгнавшего родную мать. Значит, она не сердилась, жалела и, уже зная больше всех нас об участи грешников, сделала все, чтобы участь эта миновала сына. Она достала его со дна греховного. Именно она, и только она силой своей любви и молитвы.

http://forum.deti.mail.ru/semejnye_otnoshenija/

Александр Богатырёв

Грешницы

Рассказ

Олег Протасов закончил филологический факультет и довольно долго преподавал западную литературу в педагогическом институте одного из губернских городов. Он даже диссертацию написал по Стендалю и Золя. Защитился он с трудом: слишком критичны были его суждения о невысоком даровании Стендаля и о безнравственности, авантюризме и карьеризме его персонажей. Золя, напротив, был оценен им высоко как талантливый и глубокий писатель.

Его статья о том, как Достоевский учился у Золя ведению фабулы, в свое время была замечена и широко обсуждалась в литературоведческих кругах. Некоторое время он серьезно занимался Достоевским. Эти занятия завершились тем, что в конце 1990-х годов он оставил педагогическую карьеру и вместе с женой и двумя детьми перебрался в глубинку. Ему стало тяжело часами рассказывать молодым людям о том, как легковесные похотливые шалопаи с берегов Сены соблазняли молоденьких девиц, умыкали чужих жен и с помощью обманутых мужей делали карьеру, предаваясь любовным утехам на фоне исторических катаклизмов.

Ему захотелось спокойной жизни в каком-нибудь провинциальном городке, где много храмов и домов с мезонинами, окруженных яблоневыми садами, на тихих улочках, по которым ходят Алёши Карамазовы и тургеневские девушки. Сначала он поселился в Тамбовской губернии, потом Рязанской – поближе к столице, где оставались его пожилые родители и теща с тестем. Яблоневые сады ещё кое-где были, а вот с Алёшами и Лизами Калитиными было сложнее. Провинциальная жизнь была бедной, унылой и такой же по сути, что и городская. И здесь без

передыху трудился господин телевизор, выдавая рецепты пошлой и бессмысленной жизни. Чем беднее была весь, тем сильнее в ней был культ денег. Особенно в молодежной среде. Все уезжали в города, а оставшихся считали неудачниками.

Но для Олега были великим утешением жизнь при церкви и семейные радости. То ли оттого, что не с кем было полнокровно общаться, то ли оттого, что открылось в нём какое-то новое зрение, Олег по новой влюбился в свою жену. И это была не молодёжная страсть, а полное ощущение того, что его Анастасия и он являют собой единую плоть. И единство это было таким, что он реально ощущал боль, когда ей было больно. Когда на него наваливалась грусть, он знал, что эта грусть перелилась из души его жены. И радовались они одновременно. Он любил свою Анастасию давно. И поженились они на втором курсе. И жили, что называется, «душа в душу». Но только здесь Анастасия стала действительно его «второй половиной».

Они, по совету друзей, объехали несколько живописных мест и поселились в самом красивом рядом с храмом XVII века. Он устроился чтецом. Она регентом. Анастасия закончила Гнесинское училище. У неё был замечательный грудной голос. Пела она спокойно, без всяческих вокальных «находок», постепенно вводя в обиход элементы знаменного распева. Поскольку оба батюшки храмов, в которых им пришлось служить, были большими любителями партеса, это было непросто. Из первого храма их за это уволили. Во втором Анастасия вела себя намного осторожнее. Здесь они задержались на целых два года. Пели они вдвоем с Олегом, так как клиросные бабушки ничего, кроме обихода в собственной редакции, не признавали. За эти два года Олег заочно закончил семинарию и был рукоположен в священника. Послали его на дальний бедный приход. Но он не роптал. Московские друзья иногда устраивали ему требы. Он приезжал в Москву среди недели и несколько дней крестил на дому, причащал и соборовал больных. И жена не роптала. Ёе родители были состоятельными людьми и не оставляли внуков «без куска хлеба». А когда подошла пора отдавать старшего в школу, забрали его в Москву.

Так же поступили и со вторым и третьим. На четвертом остановились. И силы уже были не те, да и дети не те, что прежде. Хоть и поповская отрасль, а шалуны были первостатейные. Дед с бабушкой с ними справлялись с трудом. Матушка Анастасия вынуждена была сновать челноком между мужем и детьми. Роптать она не роптала, но через десять лет такой жизни надломилась. И хворать стала часто, и, чего с ней никогда прежде не было, унывать. Грустить иногда грустила, но унынию не предавалась. Прежде казалось всё романтичным: красивые пейзажи, преодоление трудностей, ремонт храма, занятия с деревенскими ребятами в воскресной школе. Она даже обучила десяток девочек игре на пианино. Но её вдруг сразило ощущение пребывания в пустоте. Не было подруг. Не было интеллигентных людей, культурной среды. С высшим образованием люди были, но с ними оказалось ещё труднее, чем с простыми церковными бабушками. Всё-то они не договаривали и подозревали, что у попадьи совсем не то на уме, что кажется. Не с кем было поговорить по душам. На двух приходах, где они прослужили, находились любители эпистолярного творчества: доносы архиерею писали с поразительной частотой. Ёё обвиняли в «неправославии и тайном исповедовании католической веры». А все оттого, что из священнического дома по вечерам доносились звуки фисгармонии – чуждой для местного уха музыкальной штуковины.

Однажды приехал с инспекцией секретарь епархии – игумен Мардарий. Послушал, как замечательно исполняет матушка опусы Баха, и, потрясенный, даже всплакнул. Не мог удержаться. Слеза невольно прошибла, когда горница наполнилась трагическими низкими звуками. Потом Мардарий отведал матушкиных кулинарных изысков, испил три рюмки вишневой наливки батюшкиного изготовления и, получив на дорожку огромную кулебяку, покинул обитель инспектируемого служителя алтаря. Кулебяку он растянул на целую неделю – уж очень была вкусна. А архиерею доложил:

– Приход копеечный, а живут широко. Книг от пола до потолка. А две книги, про французских писателей, сам батька написал. Шибко культурные для деревни. Католики – не католики, а всё же с душком. С чего бы ей Баха на фисгармонии играть? Да ещё Петровским постом! Перепортят они своей фисгармонией православных.

– Надо подумать, – произнес уставший от доносов архиерей и решил, что таким культурным людям надо жить в культурном месте. Но поскольку ни в губернском граде, ни в районных центрах не нашлось свободного места, о «шибко культурной» чете на время забыли.

Вспомнили, когда церковь, в которой служил отец Олег, ограбили и подожгли. С огнем справились, а вот три больших храмовых иконы XVIII века пропали. Иконостас уцелел. Грабили, конечно, по наводке. Знающие люди. Взяли самое ценное. Скандал был немалый. А кто виноват? Кто не доглядел? Настоятель. Надо было не на фисгармониях играть, а сигнализацию провести! Убрать его за штат за такое нерадение! И убрали. А матушка тем временем пятого родила. Приехали они в Москву. Анастасия к своим родителям, он – к своим. Как дальше жить? Просить нового места пока нельзя. Прещение нешуточное. И вину за собой чувствовал. Обрато в педагоги? Нет! Священнику Бога Живаго обратного пути нет. Да и какой там Стендаль после псалмов Давидовых! Какие там лекции с разбором фабул французских романов! Какие там словеса и описание страстей мятущихся молодых душ, жаждущих богатства и славы, после того как он произносил у престола слова Евхаристического канона!

Душа его изнывала от невозможности служить. Он готов был снова в деревню. Самую глухую. Даже о жене он стал думать как-то вскользь. И это после стольких лет благодатного единения. Он ругал себя за невольное охлаждение к жене. Но и она испытывала нечто подобное. Значит, они по-прежнему едина плоть. Вот только души наполнились не любовным чувством, а пугающим беспокойством. Ожиданием чего-то плохого. Душа отца Олега была в смятении. Она жаждала одного – служить! Служить! Литургисать! Петь Богу дондеже жив!

Университетские друзья, узнав о его положении, снова устроили ему требы. Все решили освятить свои жилища. У многих оказались больные родственники, которые не могли сами добраться до церкви. Он ездил из конца в конец Москвы. Но всё же это было не то.

И вдруг он встретил отца Михаила. С этим священником они, будучи заочниками, сдавали экзамены в одном потоке. Тому удалось найти место третьего священника в Подмоскowie. А храм, где он служил, остался без батюшки. Он сам предложил похлопотать за отца Олега, и уже через три недели отец Олег был настоятелем Преображенского храма в селе

Сосногорском. Шёл Великий пост. Крестопоклонная неделя. Первый же день в новой должности начался с искушения. Село было некогда большим. Даже водопровод был и канализация для нескольких каменных домов, стоявших в центре. В общественных зданиях теперь приезжие с югов граждане открыли магазины. Перед одним из таких магазинов отец Олег и споткнулся о пламенное выражение народного благочестия. Две рабы Божии истово крестились и падали, ударяясь лбами о кресты, украшавшие чугунные люки местной канализации.

Отец Олег увидел в окне смеющихся хозяев торговой точки и подошел к женщинам. Он взял их под руки и тихо шепнул: «Я ваш новый священник. Хочу вас благословить».

Те подставили ему под благословение ладошки и стали радостно выражать благодарность за «милость Божию».

– Вот мы вас, батюшка, и вымолили. С Рождества, батюшка, храм на замке. Какое счастье! Да Великим постом!

Радость их была искренняя. Отец Олег улыбнулся.

– Вот как мне повезло. Вы – первые жительницы Сосногорского, с которыми я знакомлюсь. Я отец Олег. А вас как величать?

– Я Антонина, а это Агриппина Степановна. Она наша староста. Бухгалтер на пенсии, – отрапортовала та, что была помоложе, и тут же буркнула соседке: – А ты ещё не хотела идти крестам кланяться!

– И нам особая милость. Первыми батюшку встретили, – продолжала Антонина.

Отец Олег снова улыбнулся:

– Так это оттого, что храм закрыт, вы у канализационного люка молитесь?

Молитвенницы посмотрели на него с ужасом.

– Как же вы, батюшка, так шутите! Мы честному кресту поклоняемся, – со страхом произнесла староста. Антонина сердито насупилась и стала смотреть на отца Олега с подозрением.

– Да какой же честный крест на канализационном люке? Какому православному человеку придет в голову изображать святой крест на нечистом месте?!

– Ой, батюшка, мы не о нечистом месте думаем, а видим орудие страданий Господа нашего.

– Ну, ладно. Пойдемте отсюда. Я вижу, вы большие богословы. Поговорим в другом месте. Видите, над вами смеются.

Женщины посмотрели на окно витрины.

– Нехристи. Оттого и смеются, – пробурчала Антонина.

Агриппина Степановна предложила проводить батюшку до церковного дома. Ключ у нее был с собой, и они зашагали в сторону церкви.

По дороге отец Олег долго извинялся. Он постарался как можно проще объяснить, что не нужно во всех скрещенных линиях видеть орудие Господних страданий. А даже если увидите то, что напоминает вам о кресте, перекреститесь, скажите про себя: «Господи, помилуй», – и продолжайте путь, не падая и не делая ни земных поклонов, ни поясных. А если очень хочется в такой момент помолиться – идите в церковь. Или домой. Как сказано: «Войди в комнату твою, затвори дверь и помолись втайне». Не надо молитву выставлять напоказ. Не будьте, как фарисеи, которые любят себя показывать молящимися. Женщины были смущены. Несколько минут они шли молча.

Потом Агриппина Степановна вздохнула:

– Батюшка, это мы не сами придумали. Это была у нас старица, Царство ей Небесное, так это она говорила, что на Крестопоклонной нужно перед всяким крестом падать.

– Ну, вот и выяснилось. Это ведь вы не из Евангелия узнали, не священник вас этому научил. Будем считать, что это частное мнение очень хорошей христианки. Возможно, она и вправду ни о чём земном не думала. И все 24 часа в сутки помышляла только о небесном. И во всем видала призыв к молитве. А вам, пока вы не достигли меры её святости, лучше этого не делать.

Агриппина Степановна хихикнула:

– Простите нас.

Антонина посмотрела на неё сердито.

– Бог простит, – проговорил священник.

Следующее искушение было посерьёзнее. Пока Анастасия собиралась к мужу, на службах пели четыре прихожанки. Одна из них, Валентина, – крепкая старушка со следами былой красоты – читала Шестопсалмие и Апостол. А вместе с Агриппиной Степановной и каноны, и паремии.

Голоса у певчих были слабые. Пока просто говорили – ничего. А как начинали петь – беда. Выходило такое жалобное дребезжание, что казалось, ещё минута – и всех четверых придется отпевать. С появлением Анастасии всё решительно изменилось. Она стала петь одна. Или с отцом Олегом.

Отец Олег служил вдохновенно. У него был поставленный баритон. И когда он произносил ектеньи, чуткому сердцу казалось, что после очередного прошения Сам Господь ответит ему и исполнит просимое. А когда пели вместе с матушкой, то, по словам Агриппины Степановны, душа улетала прямо на небо. Но не все были в восторге от красивого пения. Валентина и одна из уволенных певчих затаили нешуточную обиду. Особенно на матушку. Они стали писать письма в епархию. Одно из этих писем каким-то образом не было отправлено. Оно оказалось в одной стопке вместе с поминальными записками. Отец Олег стал читать его и загрустил. Та же история. И служат-то они не по-православному, а, как было написано, «кукарекают вдвоем, а хор изгнали из храма». Он вернул письмо свечнице и решил писательниц публично не обличать. Стал ждать гостей из епархиального управления.

А тем временем слух о необыкновенном пении батюшки и матушки привлек целую дюжину новых прихожан. Среди них было несколько энергичных мужчин среднего возраста (оба прошли через горячие точки). С их помощью стала налаживаться приходская и хозяйственная жизнь. И село незаметно преобразилось. Появилось несколько фермеров. Они привели в церковь своих детей. После службы начались занятия в воскресной школе. В одно из воскресений батюшка обвенчал сразу три пары. Это были мужья и жены, прожившие в светском браке много лет. У одних уже и внуки были. За ними потянулись и молодые. Матушка привезла на лето всех детей. До этого они жили с двумя младшими. Установились неплохие отношения с поселковым начальством. Отцу Олегу по многочадию выделили две двухкомнатные квартиры в доме в расформированном военном городке. Теперь они жили не в избе с тонкой перегородкой от печки до окна, а в четырех комнатах с двумя ванными и двумя кухнями. Жизнь, как говорится, налаживалась. Но какого-то просвета в духовном состоянии большинства своих пасомых отец Олег не видел. Старушки были неискренни. Они ластились к нему, воевали друг с другом за право быть самыми приближенными. Ябедничали, норовили рассказать друг о друге всякое непотребство. Он это решительно пресекал, а доносчицы за это на него обижались. Рассказывать о чужих неприглядных делах народ любил, а о своих – никоим образом. И исповеди были, как правило, не раскаянием в собственных грехах, а жалобами на соседок. За всю свою священническую практику отец Олег ни разу не был свидетелем искреннего покаяния. Было что угодно: истерический плач, но не о грехах, а от очередной обиды; формальное перечисление соделанного; заявления о том, что «грешна во всем», или «да какие у меня, батюшка, по моему возрасту грехи». Иногда признавались и в страшных грехах, но с холодным сердцем и без признаков сердечного сокрушения.

Он не знал, как растопить сердца, что нужно сделать, чтобы они открылись, ужаснулись, увидев свою жизнь с бесконечными изменами, пьянством, драками, абортами, воровством и тотальной ложью. Как и чем протереть замутненные глаза души, чтобы увидеть свои грехи и содрогнуться от понимания, в какой грязи прожита жизнь?

На одной из проповедей он слёзно молил не утаивать своих грехов. Говорил о безмерной любви Божией.

– Бог всех простит. Только покайтесь. Искренно покайтесь. Ничего не утаивая. Господь наглядно показал нам, до какой степени безмерно Его милосердие. Кто населяет рай? Раскаявшийся разбойник, распятый вместе с Господом. Бывшая блудница. Она даже не знала, куда плывет корабль. Только увидела, что на нём много мужчин, и прыгнула туда. Но потом каково было её раскаяние! 17 лет в пустыне без еды, без одежды, в холоде и невыносимом зное. И Господь простил ее. А апостол Пётр, трижды предавший Его! А Павел – лютый зверь, гнавший христиан! А царь Давид! Убийца и прелюбодей. Послал на смерть Урию Хеттеянина и

завладел его женой. Но Господь не только простил его. Он не постеснялся Себя назвать сыном Давидовым. А почему? А потому, что Давид не просто шепнул первосвященнику: «Грешен в убийстве и прелюбодеянии», – а каялся и плакал всю свою жизнь. И никто в мире за несколько тысяч лет не написал таких покаянных слов, как он в своих псалмах. Нет такого греха, который Господь не простил бы за искреннее покаяние. Не стесняйтесь. Не бойтесь.

Через несколько дней после этой проповеди к отцу Олегу приехал благочинный – архимандрит Афанасий.

– Вот, заехал к тебе познакомиться.

Он расспросил, как тот устроился. Осмотрел храм, побывал у него дома. Матушку и на сей раз не застали врасплох. И обед у неё был замечательный, и несколько произнесенных ею фраз перед тем, как оставить священников наедине, расположили к ней благочинного. Они остались с отцом Олегом в гостинной. Благочинный достал несколько конвертов, надел очки, молча просмотрел несколько листов.

– Вот сколько о твоих художествах написано. Ты действительно говорил, что рай придуман для воров и проституток? – спросил он тихо, не поднимая глаз.

Отец Олег слово в слово пересказал свою проповедь. Благочинный вздохнул и продолжил перебирать листы.

– А что это ты про самоубийц говорил? Почему они испытывают удовольствие?

– Да это я говорил о необходимости соблюдения заповедей. И то, что Господь не наказывает сразу, лишь свидетельство Его долготерпения и любви. Господь один раз не наказал за наше преступление, другой. Нам кажется, что так всегда и будет. Нет, не будет. Всё равно закончится наказанием. Если не в этой жизни, то в будущей. И привел метафору: прыгнул человек в пропасть (а ему говорили: не прыгай – разобьешься), и вот он летит и даже удовольствие получает от ощущения свободы в этом полете. И думает: «Вот оно как сладостно! А меня отговаривали».

Отец Афанасий покачал головой и снова вздохнул.

– А про несправедливость Бога?

– Я сказал, что Бог – это любовь. Если бы Бог был справедлив, то нас давно бы не было на этом свете с такими грехами...

– Ты вот что. Говори проще. Без метафор. Без притч. А то нас толкованием твоих притч завалят по горло.

Отец Олег пообещал. Они поговорили о том, как трудно привести в чувство оторванный от духовных корней народ. Целое столетие продержат в богоборческом помрачении... А теперь слово с амвона скажешь – и нет уверенности, что поймут, не извратят и не напишут «телегу» начальству.

Очень трудно расшевелить народ.

– Не каются они, ваше высокопреподобие. Одно формальное перечисление грехов. Я перечислю грехи, а они за мной и повторяют.

– Да знаю, что не каются. Меня этим не удивишь. 40 лет служу.

– А что же делать?

– Терпи и служи. И разберись, кто это у тебя доносами занимается, и сделай так, чтобы она не досаждала архиерею. Одной рукой написано. А то я с неё для начала возьму 2 тысячи за такси. Будет знать.

– Хорошая идея. Давайте пригласим её.

– Нет, ты уж сам давай. Я никаких разбирательств устраивать не стану. Вижу тебя. И верю, что ты иерей правильный.

Он немного помолчал, а потом, прищурившись, спросил:

– А с тех мест за что тебя шуганули? Про пожар и кражу знаю, а с первого прихода за что тебя из чтецов, а матушку из регентов?

– Да мы стали знаменный распев вводить.

– Чудак. Это в селе-то! Хоть бы обиход нормально пели... Да и в городах мало кто знаменный-то уважает. Я знаменное пение люблю, но его по современной жизни не привить. У людей души на иной лад настроены. Отовсюду грохот да скрежет адский. Да уголовные песенки либо что-нибудь про любовь, да понеприличнее и пострастнее... Нет. Как сказал один питерский

старец, чтобы знаменно петь, нужно знаменно жить.

Благочинный немного помолчал, рассматривая библиотеку.

– А фисгармония твоя знаменитая где?

– Вы и про фисгармонию знаете!

Отец архимандрит усмехнулся.

– Так, показывай. Может, матушка и сыграет для гостя?

– Да мы её ещё не перевезли.

– Так перевозки поскорей. Я тебе и «Газельку» грузовую дам. Я фисгармонию люблю. Да не сподобился достать. Играю на пианино. Так что вези и зови в гости. Мы с твоей матушкой в четыре руки поиграем.

Отец Олег удивился и был рад такому повороту. Благочинный смотрел на него весело.

– А больше никаких преступлений не совершил?

– Нет. Это все. Правда, может быть, мы кому-то не нравимся как люди.

– Это ладно. Мне вы как люди понравились. А насчет того, чтобы народ каялся, погоди. Ты тут без году неделя. Если не сбежишь в Москву, то, даст Бог, со временем и растопишь лёд. А я тебе на прощание на твою метафору свою расскажу.

– Расскажите.

– Солнце к закату склонилось и разволновалось: кто же без него светить во мраке будет? Спрашивает, а все молчат. Долго спрашивало солнце. Все молчат, и только маленькая лампадка под иконой тихо ответила: «Постараюсь как смогу». Вот и ты старайся. Свети помаленьку. Только не угасай. И не скорби попусту. И не возносись. Ты ведь не солнце. Вот и свети в меру лампадки. И помни, что народ у тебя простой. Так что давай без метафор. Будь проще.

Визит благочинного не только успокоил отца Олега, а даже окрылил. Он решил вообще не обличать Валентину, а подождать, когда она сама поймёт, что доносы – не лучшее дело. Они с матушкой обидели её тем, что распустили хор. Надо бы ей какой-нибудь чин придумать. Какое-нибудь заметное дело. А пока ничего не придумал, то на ближайшей литургии объявил о том, что назначает Валентину заместителем старосты. Удивлению Валентины не было предела. После службы староста пыталась выяснить, в чем будут заключаться обязанности её заместительницы. Батюшка ответил неопределенно и без особых раздумий сказал, что дел на приходе скоро будет много, а первое, что он поручает Валентине, – организовать паломничество в Троице-Сергиеву Лавру. Вернее, записать желающих. О деталях обещал поговорить с ней на неделе. Он вышел из храма, а староста с Валентиной и Антониной остались в храме на уборку.

Батюшка уже подъезжал на своем «Жигуленке» к магазину, где его ждала матушка, ушедшая из храма раньше его, и вдруг вспомнил, что забыл в алтаре телефон. Вот незадача! Пришлось вернуться.

Валентина с Антониной стояли, перегнувшись через барьер, за которым сидела Агриппина Степановна, и с жаром что-то обсуждали. Отца Олега они не заметили, и он тихонько вошёл в алтарь через дьяконские двери. Телефон лежал на подоконнике. Батюшка взял его и повернулся, чтобы выйти, но неожиданно услышал нечто, что заставило его задержаться. Антонина гневно выговаривала Валентине:

– Ты думаешь, люди тебе спасибо скажут за твои письма?!

– Да ладно тебе, – огрызнулась та. – Чего удумала. Какие письма?

– А такие. Верка-то всё сказывала. Как ты митрополиту жалобы на нашего батюшку пишешь. И её пристегнула сочинять.

– А что, не правда? Я правду пишу. Он тут всяко мелет. Его и понять нельзя. Отец Михаил молебен отслужит – и домой. А этот разводит тут турысы. И к чему призывает, не понять.

– А чего понимать? Он говорит: каяться надо. А мы не каемся. Клуб себе придумали. Ходят, кто не лень. Может, и в Бога не веруют, а ходят.

– Да откуда ты знаешь, кто верует, а кто нет? Сама-то ты в кого веруешь?

– Я-то в Господа нашего верую. А Господь сказал: надо каяться. Вот ты, Валь, и покайся батюшке, что кляузы пишешь.

– Вот ещё. Чего удумала.

– Так зачем ты тогда в церковь ходишь?! Батюшке гадишь и каяться не хочешь.

– То моё дело.

– Да не твоё, а наше. Мы, как батюшка говорит, одно тело. Мы один организм духовный.

И если ты в этот организм дерьма наклала, то мы его и вытряхнем. Если не покаешься.

– Ты погоди грозить. А то я тебе такого устрою! Сама-то больно каешься!

– Я-то каюсь. А у меня и таких заслуг перед бесом нет, как у тебя. Ты мужиков-то полрайона пропустила.

– А твоё какое дело? Я в том покаялась.

– А как каялась? Поди, сказала: «Грешна по блудной части» – и всё.

– А тебе-то что?

– Так какое с того покаяние.

– Да такое...

– А ты пальцы загибала?

– Какие пальцы?

– А вот с тем-то да тем-то... Главного агронома бы помянула.

– Да молчи ты...

– Да у ней пальцев-то не хватит ни на руках, ни на ногах, – засмеялась староста.

– Вы сами-то хороши. У тебя, Степановна, тоже Кузьмич был после смерти мужа.

– А я молчу. Да и созналась в том.

– Чо созналась. Антонина вон с батюшкой слезу требуют. Ты поплакала-то?

– А чего плакать? Кузьмич мужик-то справный был. Непьющий. Не обидел ни разу. Я его тоже.

– А всё ж блуд, – вздохнула Антонина.

– Блуд-то он разный, – оправдывалась Степановна. – Сошлась с хорошим человеком. Он вдовец. Я вдова. С ним жила честно. Я по правде и не знаю, как тут каяться. Свадьбу, что ль, надо было с гармошкой аль под венец?! Нам же уж по шестьдесят было. Я долго отказывалась. Перед внуками срам. А он: «Одиноко мне, хоть в петлю лезь». Так что тут как поглядеть. Один скажет: душу погубила в грехе, другой: человека от петли спасла.

– Ну уж от петли.

– Форменно от петли. Тоскливо жил. Хотел удавиться. Так что не знаю, какого покаяния мне батюшке принести. Рассказать всё – так он сам говорит: мне не истории нужны, а сердца ваши. А сердце моё теперь по двум моим мужикам тоскует. И молюсь я за них. А что не венчано прожила, так то Господь разберёт. А и где венчаться-то было? В клубе, что ль? Может, соберусь да слёзно и покаюсь. Рюмочку для слезы и для храбрости пропущу – и на исповедь.

С минуту помолчали. Отец Олег хотел выйти, но тут Валентина сердито набросилась на Антонину:

– А что ты вообще понимаешь?! Каяться. Тебе хорошо. У тебя ни кожи, ни рожи. И смолоду страшная была. А меня парни чуть не с пелёнок зазывали. На тебя бы столько внимания, так ещё бы поглядели, какая ты святоша. Мужики к тебе не лезли – на тебе и греха нет. А ко мне лезли. Думаешь, легко по молодости удержаться? Так я и слова такого не знала: «грех». Жила, как все жили. А кто у нас себя грешницами считал? Кто? Хоть одну бабу назови.

– Моя мать, – тихо вздохнула Антонина.

– Она-то что? Она и не у нас в селе жила. Мы о ней ничего не знаем.

– Она, покойница, Царство ей Небесное, до самой смерти чемодан с кирпичами носила.

– Какой ещё чемодан?

Антонина всхлипнула, утёрла нос передником.

– За грех убийства. Братик у меня был, Яшенька. Кроткий, славный. Божие дитё. А мальчишки всё дразнили и колотили его за то, что он в их проказах не участвовал. Трусом обзывали. Они, как яблоки поспевать начнут, чисто грачи, на деревьях сидят.

– Понятное дело. Я и сама по чужим садам лазала, – перебила её Валентина.

– И стёкла в школе били, и сарай подожгли вредной Акулине, и бельё могли с верёвок

сорвать да в грязь. Корову у Коркина хвостом к хвосту лошади привязали. Да чего там... проказа на проказе. Хулиганье сплошное. А Яшенька всё с мамкой сидел. Вот они его однажды поймали и говорят: «Иди у Кисляковой огурцы сорви». Мешок дали. «А не нарвёшь – то мы тебе уши оборвем да наkostenяем. Иди, не трусь». Яшенька и пополз по огороду, чтобы не быть трусом. А Петровна-то Кислякова у окна сидит. Видит Яшеньку-то. Он только огурец сорвал, а она уже бежит с кочергой. Ну, он дёру. А она орёт на всю деревню: «Ворюга проклятый!» А он-то, бедный... Ему и огурцы-то даром не нужны. Своих полно. Он-то битья мальчишек испугался. Во двор забёг, а мамка-то наша выскочила из избы. Что за гром с соседского огорода? А Петровна ей и орет: «Тихоня-то твой вор поносный. Огурцы мои скрал». А маменька-то, Царство ей Небесное, схватила лучину от дранки. Изба-то дранкой крыта. Шиферов-то не было. Да этой лучиной и шлепнула его по голове. А в лучине-то гвоздь ржавый. Да как раз в ямочку, что в голове. В темечко. Яшенька упал, ножками задрыгал и затих.

– И что, убила?

Антонина опять всхлипнула и кивнула.

– Насмерть убила?

– Убила мать сыночка. Братика моего кроткого... За огурец. Свою надежду. Нас-то, девок, пятеро – и один брат. Что там было... И суд был. Говорят, вот времена суровые были. Суровые. И жили впроголодь. Никаких «дошираков» в лавках не продавали, чтоб за три минуты суп был. Жидким шам рады были до смерти. Траву для коровушки по канавам серпом резали. Я режу, а Валюшка четырех годов на страже стоит. Чтоб никто не увидел. А поймают – отберут. И позор. И посадят. А всё равно резали. Куда денешься. Корова – не наш брат, чтоб уговорить не есть вовсе... Да вы помните.

– Чего не помнить. У меня самой мать на три года посадили за траву – колхозное добро, – поддакнула Валентина. – Ну, дальше-то что? Не тяни.

– Так вот, со всем своим суровством судья мать-то отпустил, да ещё и тайно ей потом денег сунул на похороны. А мальчишек-то, что подбили Яшеньку, наказал. Самых заводил главных в колонию для малолеток. А маменька...

Суд человеческий одно. А она сама себя крепко осудила. Ела потом по куску хлеба в день да водицы кружечку. И так целый год. В чём только душа держалась. Работы-то с пятерыми! Мы, конечно, помогали. А всё одно – только поворачивайся. И в колхозе, и дома. А потом свалилась она. Язва пошла – чуть не померла. Истощение... Довела себя. Определили ей инвалидность. Так вот тогда она и придумала себе чемодан. Нагрузила камнями и повсюду с ним. Это с язвой-то. А ещё придумала себе тайные подвиги: по ночам общественные работы делала. Мост у нас провалился. Так она и починила. Откуда силы! Да как она бревна-то достала! Явно, из леса. Ведь и посадить могли. Это потом мы узнали: ей Сашка-дурачок помогал. У него силища была аховая. Когда электричество тянули, мужики столбы носили. Один столб вшестером. А Сашка взваливал на плечо столб да версту без передыху один нес. Он маменьке-то и помогал.

Она и вдовам втайне помочь творила. Иной раз по неделе дома не было – все чего-то людям делала. Ещё спала в поле. Прямо на земле. А дома – не знаю, спала ли. Всю ночь лампада горела. Да головой об пол бухалась. Да плач слышен: «Господи, прости окаянную!»

Так она по Яшеньке убивалась. А потом успокоилась маленько. Мы уже подросли, по дому всё сами делали, а Людмила, старшая, уже и работать пошла. Задумала маменька до Киева дойти. Ногами своими. Попрощалась с нами...

– Это с кирпичами?

– Нет, чемодан на сей раз оставила. Попрощалась с нами, благословила и ушла. Целый год мы её не видели. Вернулась. Говорит: видела Яшеньку в светлых одеждах. Сидит у ног Матери Божией и веночек из цветов плетёт. А цветы эти красоты – не рассказать. А простил ли меня Господь, не знаю. А Яшеньку принял в свои светлые обители. Это ей киевские угодники

показали. Там, в пещерах, у неё видение было. Месяц за бродяжничество в тюрьме отсидела. Били несколько раз крепко... Может, и простил её Господь. Про своё богомолье нам не сказывала. Да мы бы и не поняли. Мы-то, дурёхи, думали, что маменька наша с горя-то с ума сошла. И народ-то ей хоть и сочувствовал, но всё чокнутой прозывали. Мы чемодан ейный в печке сожгли. А кирпичи на дворе горкой сложили. Так она другой себе из фанерок сотворила. Наложила кирпичей и снова с ним заходила. Так с ним в руках и рухнула. Язва открылась. До больницы 20 верст. Пока довезли, она и померла. Царство ей Небесное!

Все перекрестились и затихли. Долго стояла тишина. Потом староста Агриппина Степановна подошла и поцеловала Антонину в щеку. Прижала к себе и всплакнула:

– Какая жизнь... Как мы, бабоньки, жили. А матушка твоя... Мы и не знали.

– Дак она тогда не в нашем районе жила, – стала опять перечить Валентина.

– Надо бы нам, сестры, подумать. Каяться не умеем, так что-то хорошее надо делать, – продолжала староста.

– Вон у Марины Берестовой дети оборванцы. Неужто не найдем, чем им срам прикрыть?

– Дак Маринка пьяница, – фыркнула Валентина.

– А дети-то причем? Я вот пойду соберу одежду для них.

– Да мало ли народа бедствует. Давайте и к Ольге Дувахиной заходить. Ведь болеет давно.

– Дак она ж ведьма. И не скрывает. К ней пойдешь – она такого тебе нацепляет, – опять возмутилась Валентина.

– Нет, бабоньки, чтоб церковь наша действительно была не клубом, а домом Божиим, давайте делать добрые дела, – сказала Антонина.

– А у нас денег дай Бог до пенсии дотянуть, – опять огрызнулась Валентина.

– Да чего ты-то нудишь? Много ли нам, старухам, надо. Овощ свой. Одну-другую консерву купила – и хватит, – отмахнулась Степановна.

– А мясца купить, – не успокаивалась Валентина.

– По нашим годам уже давно пора от мяса отказаться.

– А хотца порой.

– Хотца – перехотца. Вот и сотвори малый подвиг. Перетерпи. А денюжку на бедных. Да и не полезно мясо-то. – Да что вы про мясо-то, – перебила их Антонина. – У нас батюшка копейки получает. А у него пятеро. В Москву ездит на требы. А шутка ли – мотаться? Без семьи. И дорога денег стоит. Давайте ему больше помогать.

– Дак помогаем. Я вон всегда на канун то картошки, то моркошки.

– Моркошки. Надо чего-то посушественней. Давайте думать. Вон у Романовны сын в Питере большой начальник по строительству. Надо уговорить её настроить сына, чтоб он десятину на наш храм да на батюшку высылал.

– Дак десятина-то, поди, миллионом запахнет.

– Да хоть триллионом. Он, стервец, первым хулиганом был. А родина ему бесплатно образование дала. Выучился на народные деньги. Пусть совесть имеет, – выпалила Валентина.

Тут уж отец Олег не выдержал и вышел из алтаря. Все ахнули.

– Батюшка, вы ведь ушодцы. Когда ж вы вернулись?

– Ушодцы – да приходцы, – улыбнулся отец Олег. – Вы так склонились над Агриппиной Степановной и увлеклись, что не заметили меня. А я вдоль стеночки да в алтарь.

– Так вы всё слышали?

– Каюсь, слышал.

– Стыд-то какой. Мы ведь про блуд наш сказывали.

– Про это мимо ушей пролетело. А вот про мать да чемодан с кирпичами слушал, затаив дыхание. Очень меня эта история тронула. А насчёт ведьмы – не спешите судить. Может, это наговоры.

– Да какие, батюшка, наговоры. К ней вся губерния ездит. Заговоры-приговоры. Колдует она. И помереть не может. Ей уж давно за 80.

– Какие 80! Ей уж 90.

– И всё-таки... Где она живет? Надо зайти. Может, покается.

Степановна принялась объяснять, как найти избу Дувахиной. А Валентина с Антониной стали шептаться: «Вот срам-то. Слыхал всё!»

– Да не слыхал. Сам же сказал. Да и не интересно про блуд устаревших бабок слушать.

Повздыхали. Отец Олег повернулся к Антонине:

– Как звали вашу матушку?

– Фёклой.

– Редкое нынче имя. Будем молиться о Фёкле. И вашем братце Яшеньке.

Антонина ухватила батюшкину руку и крепко поцеловала ее.

– Спаси вас Господи, батюшка.

Отец Олег помолчал немного.

– Да, рассказали вы историю. У Стендаля и Золя такое не найдешь.

Он попрощался. Благословил своих прихожанок. Сегодня он делал это с большим чувством: медленно, задерживая на несколько секунд пальцы у лбов, покорно склонившихся перед ним. И, как никогда прежде, почувствовал сильное сострадание и любовь к этим бедным женщинам. Какая великая милость дарована ему Господом – утешать эти переполненные горем души, наполнять их надеждой на прощение.

Он остановился на площадке перед храмом, недавно застеленной бетонными плитами – остатками стен разоренной птицефермы. Справа под древними соснами виднелись могилы с пирамидками, наверху которых торчали серые, некогда красные, звезды. Были и могилы с крестами: деревянными и металлическими, сваренными из водопроводных труб. Перед центральной аллеей ещё недавно возвышался памятник герою Отечественной войны, уроженцу села Сосногорского. Теперь он словно уменьшился в размерах и был загорожен машиной из чёрного мрамора – плитой с изображенным во всю её высоту конем. Конь словно выбежал из чёрных дымчатых далей и замер под портретом известного на всю округу цыганского барона.

Отец Олег перекрестился на храм и пошёл по тропинке к своим стареньким «Жигулям». А в храме три подружки говорили о том, что с батюшкой им всё же повезло. Какой он умный и сердечный. И теперь они будут ему усердно помогать.

Валентина сделала земной поклон перед распятием, выпрямилась и вдруг грузно упала, рыдая в голос. Утешали её долго. А потом и сами разревелись. Валентина успокоилась первой. Она сняла платок, утёрла им слезы.

– Ну, Тонька, собака не кусаная. Довела!

Потом громко шмыгнула носом и удивленно произнесла:

– А чего это он в конце сказал про золу? Где он её увидел? Всё в храме чисто. Да и печку уж два месяца не топили.

<http://luminaortodoxiei.com/ru/statii/statii/item/1748>

*** Для иллюстрации этого рассказа использованы акварели Татьяны Медведевой (г. Вичуга)

Для Фазиля (в святом крещении Василия) Давид оглы Ирзабекова русский язык стал не просто родным и сферой профессиональной деятельности, а сакральным зеркалом, в котором он рассмотрел великий народ. В своей книге «Тайна русского слова», рекомендованной для чтения в средних классах общеобразовательной школы, Василий Давидович Ирзабеков раскрыл настоящие сокровища «великого и могучего», мимо которых многие из нас проходят безразлично.

Никола Вешний

Всякий раз, когда девочка пробежала по двору, скучающие на лавочках старушки провожали её горестными вздохами и, грустно перешёптываясь, сочувственно кивали головами. Оно и понятно: мама у бедняжки вот уж полгода как в больнице, отец целыми днями пропадает на воинской своей службе, ребёнок же, получается, предоставлен самому себе. Офицер, ещё совсем недавно такой весёлый и общительный, стал угрюмым и неразговорчивым, ничего от него, понятно, не добьёшься. Ну а девочка... а что девочка, ребёнок - он и есть ребёнок.

Прибежит со школы, наскоро перекусит кое-как приготовленными с вечера магазинными котлетами, нетерпеливо запивая их спитым чаем, или разогреет кастрюльку с разбухшими ещё с вечера склизкими магазинными же пельменями - и айда во двор, играть со сверстниками. Иной раз спросишь у неё: как мама-то твоя? А она трогательно так пожимает плечиками: не знаю, пока в больнице. И до того становится жаль её, этого её жеста, хоть плачь. Глядишь, иная сердобольная бабушка и вытирает украдкой слёзы, глядя вслед бедняжке. Да, что ни говори, сиротой становишься не тогда, когда лишаешься отца, а оставшись без матери. Сколько бы тебе ни было лет...

Казалось, невдомёк были девочке все эти старушечьи пересуды. Кто его знает, а только по вечерам, ложась в постель, вспоминала она мамины тёплые ласковые руки и начинала жалеть себя, тихо всхлипывала, уткнувшись в подушку, чтобы не услышал отец, да так и засыпала. Наступившее утро нагружало её ворохом привычных дел и забот, надо было спешить в школу, успев наскоро поесть и подшить к школьной форме свежий белый воротничок. Это можно, да и нужно было бы сделать с вечера, да только никто ведь не напоминал. Всякий раз, навещая маму в больнице, она обещала ей быть прилежной. А когда в последнее посещение, прощаясь, та прижала дочь к себе, целуя обескровленными губами, спешно утирая катящиеся по бледным щекам слёзы, и стала вдруг просить у неё, Светланки, прощения, а следом разрыдалась, чего не случилось ни разу за всё время её нездоровья... Но об этом лучше не вспоминать, потому как очень больно.

Только раз, на позапрошлой неделе, услышала она от незнакомой женщины, оказавшейся тем вечером в их дворе, слова, которые так и не поняла. Странно, училась она в школе хорошо, да и женщина та говорила по-русски, а вот смысл сказанного ею остался для девочки тёмным. Но он почему-то запомнился, волновал её. «Жаль, - сказала незнакомка, обращаясь к другой пожилой женщине, - жаль, что нет у них в доме иконы, а то девчушка помолилась бы о матери. Не держат они нынче икон в доме, не принято это теперь. Глядишь, Господь по чистым молитвам безгрешного чада и помог бы тяжко болящей...». И назвала имя её матери...

Сказать честно, девочка не производила впечатление заморыша, страдающего от недоедания, - вон как носится с гиканьем по двору, обгоняя порой в салочки даже мальчишек и постарше себя. И по деревьям лазает не хуже других, и в прятки играет так искусно, что водящему ничего не остаётся, как кричать во всё горло: «Сдаюсь! Сдаюсь! Выходи!» Во всём она, считай, первая среди своих сверстников, ни в чём не уступает. И только одно неизменно огорчало Светланку - игра в классики. И не потому вовсе, что не любила её, что вы, именно любила, и любила самозабвенно. Почитай, половину воскресного дня могла пропрыгать на одной ноге, лихо взмахивая красивыми крепкими косами. Но стать первой в этой любимой тогдашней детворой задорной дворовой игре всё же не получалось - верхнюю ступень незримого пьедестала, казалось, навсегда захватила Иринка, живущая в соседнем доме. И прыгала-то Светланка не хуже соперницы. Но вот било, било у той было что надо. Ни у кого, считай, не было такого била во всей округе. Это девочка знала точно, потому как нет-нет да и нарушала строгий запрет отца не выходить за пределы их собственного двора. Ну да, ну да...

Из чего только Светланка не мастерила собственное било - и из круглой жестяной коробочки из-под леденцов «Монпансье» и зубного порошка. Пыталась даже приспособить коробочку из-под гуталина, наполнив её влажным песком из детской песочницы. Даже применяла маленькую хитрость, слегка, самую малость, сгибая биту, дабы хоть как-то уменьшить скольжение. И чтобы та намертво останавливалась после броска в аккуратно очерченных мелом границах нужного квадрата. Куда там! Всем её битам было далеко до Ириной. Та, словно подразнивая её, пролетала, посверкивая чёрными лаковыми плоскостями, и с приятным победным шлёпаньем опускалась точно по адресу. Все попытки разузнать происхождение чудесного предмета не имели никакого успеха, потому как всякий раз его счастливая обладательница небрежно бросала одну и ту же короткую фразу: «Нашла!» Только один-единственный разочек разрешила Иринка, ревниво относящаяся к собственному спортивному инвентарю, подержать свою биту в руках и сделать бросок. И Светланка не промахнулась!

Ой, лучше бы этого и не было! Теперь, как ей казалось, она точно знала не только секрет Иринкиных побед, но и окрепло, утвердилось в ней окончательно желание овладеть этой вещью.

Во что бы то ни стало! Что это было? Первым женским капризом, первым проявлением тайны её пола, которого она, признаться, в ту пору и не ощущала вовсе, видя в знакомых мальчишках чаще всего соперников, которых нередко и побеждала? Бог вещь. А только желание это, поверьте, было нешуточным. Далась ей эта бита, скажете вы и будете правы. И автор этих строк того же мнения. Да только видите, как всё обернулось. Чужая душа - она и есть чужая душа. Пусть даже это душа ребёнка.

У Иринки, когда заходила не то чтобы речь, а даже лёгкий намёк на вероятность какого-либо обмена вожаделенной биты, при всей её упёртости была тем не менее своя ахилессова пята. И этой уязвимой пятой были тряпки, то бишь красивая одежда, которая, сказать по справедливости, в ту давнюю пору была вещью весьма и весьма редкой, а потому и ценилась необычайно. И тогда Светланка сделала свой окончательный выбор, рассудив, что до выхода мамы из больницы - а она в это верила какой-то своей внутренней убеждённости, с какой-то упрямой уверенностью наперекор скорбным взглядам старушек и меркнувшему буквально на глазах отцу - всё как-нибудь образуется. Она бережно достала с полочки шифоньера, всё ещё хранящей нежный аромат земляничного мыла, положенного туда мамой, белоснежные атласные ленты. Она не надевала их ни разу, храня на самый-самый что ни на есть торжественный случай, и, глубоко и медленно дыша, чтобы не разрыдаться, обернула в вырванный из середины ученической тетрадки сдвоенный лист в клеточку.

Обмен состоялся. Правда, вредная Иринка и тут не удержалась, чтобы не подпортить сопернице радость, потому как условилась передать биту только вечером, уже после окончания игры. Что, впрочем, не помешало ей забрать свёрток с лентами тотчас же. Характер, друзья мои, он с возрастом нашим лишь крепчает, наливаясь крепостью как вино, но складывается в далёком детстве, из которого все мы и родом, как написал в хорошей книге мудрый писатель. Так или иначе, но вечером того же дня не на шутку возбуждённая Светланка, затворившись в своей крохотной комнатке, самым внимательным образом рассматривала вожаделенный плотный чёрный блин с поцарапанными поверхностями, оказавшийся наконец в её потных от волнения ладонях. И только тут обратила она внимание на то, что обе тонкие «щёки» биты оказались приклеены к круглой доске. Следом случилось самое невероятное, потому как Светланке отчего-то страсть как захотелось их отодрать, и тем самым - о Боже! - рискуя испортить вещь, о которой так долго и страстно мечтала и за которую была заплачена такая большая цена.

Девочка сбегала на кухню и принесла оттуда тонкий «десертный», как называла его мама, нож. Следом, расстелив на обеденном столе газетку и положив на неё торцом биту, Светланка вставила нож в еле заметный шов и, высунув от старания язык, стала бить по нему прихваченным на кухне же молоточком. Совсем как это делал папа, открывая полученные из деревни, от бабушки, тяжёлые фанерные посылочные ящики с сургучными печатями, так напоминавшими шоколадную медаль. Вот нож рассёк биту, и тонкая чёрная пластинка с лёгким скрежетом отделилась от круглой деревяшки, бита отскочила, упала со стола на пол и укатилась под книжный шкаф. Когда в следующее мгновение Светланка, стоя на коленках, нетерпеливыми движениями нашарила его, подгрребла к себе и вытащила на свет, то удивлению девочки не было предела... на её дрожащей ладони лежала картинка. И не просто картинка, а - пусть небольшая - но самая настоящая картина, портрет седого старика с очень красивым добрым лицом, таким красивым и добрым, что она невольно залюбовалась им. Он был одет в какие-то сказочные одеяния, по всему полю которых виднелись кресты. В левой руке старец держал, и тоже необычно, снизу и вертикально, какую-то толстую книгу, на обложке которой также красовался большой крест. Пальцы правой слегка воздетой, согнутой в локте, руки были сложены очень изящно - указательный и средний пальцы были воздеты вверх, а три других сомкнуты на середине ладони. А на голове его возвышался необычный убор. Ни этих одежд, ни этой шапки, ни жестов, ни самой книги, что держал этот старик, девочке никогда раньше видеть не приходилось. Самым же поразительным на этой картинке был его взгляд... сколько в нём было доброты, казалось, он светился добротой и любовью, смотрел своим кротким лучезарным взором в самую душу ребёнка, утешая, вселяя надежду.

«Бог...» - почему-то выдохнула девочка, произнеся последнюю букву не так, как этого требовали в школе на уроках родной речи, а как говорили бабушки в их дворе - «Бох». Причём очень тихо. Словно боялась, что её могут услышать, хотя никого, кроме неё и этого красивого

доброе старика на портрете, в комнате не было. То, что она проделала в следующий момент, было ещё более удивительным. Потому как Светлана прижала круглую деревяшку, бывшую ещё пару часов назад битой для игры в классики, к губам и нежно расцеловала. И расплакалась. Да что там расплакалась, она попросту разрыдалась. Словно прорвались в ней все те боли и страхи за маму, за себя и за отца, что так долго копились, не имея выхода, в её детской душе. Хорошо, что в эту минуту не было никого рядом, и она могла наплакаться вволю. Рыдания этой хрупкой девочки, эти неведомые ей раньше слова, которые она теперь произносила отчего-то просто, они складывались в её устах в какие-то правильные предложения, перемежаясь с совсем недетскими причитаниями, словно давным-давно жили в её душе и только терпеливо ждали своего часа, чтобы вырваться из стеснённой страданиями груди. Так голоса взрослых женщины в какие-то возвышенные, в скорбные минуты своей жизни. Но чтобы девочка...

Так в жизни маленькой Светланы появилась её первая иконка, которую она бережно сохранила до седых волос. Это потом, гораздо позже, поделившись своей тайной с бабушкой, она узнает, что изображён на ней не Бог, а святитель Николай, которого на Руси вот уже которое столетие называли просто Николой, всякий раз прибавляя к его святому имени слово «чудотворец». А тогда для маленькой девочки это был Бог, у Которого она всякую свободную минуту просила излечения своей тяжело болящей матери, на что врачи, по-человечески жалея молодую измождённую серьёзным заболеванием женщину, уже и не рассчитывали. О чём и уведомили её мужа. Девочка не знала тогда заученных слов молитв, им её, советскую школьницу, понятно, никто и не учил. Однако то, что всякий раз вырывалось из её сердца, и было самой что ни на есть горячей мольбой к Богу, с которой она взывала к этому красивому доброму седому старику, с любовью нарисованному на круглой деревяшке, совсем ещё недавно служившей битой для игры в классики.

А только чудотворец - он и есть чудотворец. И, казалось бы, неизлечимо больная ещё вчера молодая женщина пусть неспешно, но уверенно пошла на выздоровление, оставив в радостном недоумении лечащих её врачей. Когда же минуло два месяца с того памятного дня, как Светлана мужественно рассталась с красивыми атласными бантами, припасёнными для праздника, он в их доме и случился. Мама выздоровела окончательно, и её выписали из больницы.

Эту удивительную историю мне довелось услышать от её героини в одном небольшом городке Югры Ханты-Мансийского автономного округа. Мы неторопливо шли, беседуя, от Дворца культуры, где только что завершилась лекция, в сторону гостиницы. Моя спутница предложила пройти напрямик, для чего прошлись немного по тайге, благо она здесь не такая густая. И пусть повсюду лежало ещё много снега, сердце безошибочно угадывало скорое наступление весны и тепла.

Источник: В. Ирзабеков «Святая сила слова. Не предать родной язык»

Недавно члены нашей редколлегии познакомились с красноярской журналисткой Дарьей Мосуновой. Несколько лет назад у них с мужем родилась тройня: два мальчика и девочка (теперь в семье уже 4 детей). Молодая семья сразу на своём опыте ощутила, что такое быть многодетными. Дарья, будучи активным человеком, занялась проблемами многодетных, а также детей из детских домов. Все этапы жизни своей семьи Даша описывает в коротких и ёмких рассказах.

Веточка зацвела.

Быть может, мы счастливы в детстве ещё тем, что ствол нашего рода защищает нас от всего плохого. Ребёнок чувствует это сильнее. Потому что у него ещё нет пороков в гордости и самолюбования – что я сам. Не сам. Пройдет время, и седина покроет голову – и ты поймешь, что не всё сам. Ты будешь искать снова защиту, и снова захочешь спрятаться за ствол своего рода...

Веточка зацвела! Сегодня проводила домой двоюродного брата. Мы с ним не виделись 20 лет... Правда, он говорит, что помнит меня на похоронах бабушки. А я ничего и никого не помню... Он уехал. И только сейчас я поняла, какой подарок сделала мне мама, пригласив его к нам в гости. Ведь в его лице я встретила с бабушкой, в его улыбке увидела папу, в его причёске - дедушку. Я "встретилась" со всеми теми, кто был дорог моему сердцу и душе, и с теми, кого не вернёшь. Он в шутках, в подмигивании... в этом капельки моего детства. Всё стало так близко. И это ощущение родства вернулось. Окутало теплом. Мы росли вместе. И хотя его мама никак не могла смириться с тем, что моя мама, какая-то там провинциалка из Екатеринбурга, из рабочей семьи, на правах невестки вошла в дом полковника, но дети, конечно же, не чувствовали. Брату Коле часто разрешалось оставаться у бабушки и тогда мы играли во Всадника без головы, строили замки из одеял и подушек... После того, как 20 лет назад между папой и Колиной мамой пробежала чёрная кошка, мы перестали общаться, дабы не было больно нашим родным. Ветки на семейном дереве начали потихоньку засыхать. И каких только проклятий ни услышали мои родители в свой адрес через бабушку от сестры. Никто не мог помирить родных брата и сестру. Страдала бабушка, страдал папа, но нам не показывал. Когда ушла в другой мир бабушка, моя мама не раз говорила, может, поздравим Свету с Новым годом? Всё-таки родные. Но папа гордо отрицал. Он до последнего помнил, как его сестра на свой юбилей не пустила на порог родную старенькую маму.

– Ты Сашку больше любишь! – кричала сестра. – И выбросила за порог новые сапоги с коробкой, которые бабушка принесла в подарок дочке. Гордость. Её не перешагнешь. А с годами планка растёт. И уже не перепрыгнешь. Что я знала о брате, только то, что он женился, уехал на Север, где-то за Тюмень. Что к нему только вертолетом... и его нет ни в Контакте, ни в Одноклассниках. Какой же сильной надо было быть маме, чтобы этим летом, после смерти мужа, первой написать, позвонить, приехать к забытой родне. Связать раздерганную непрочную ниточку рода. Обмыть её слезами. Растопить прощением гордость. Прижать и прижаться к безвозвратно ушедшему времени... Надо было пожертвовать смертью самого близкого для меня человека – отца, чтобы связать род. Чтобы тот человек, кто не хотел тоже подавать руку, вдруг что-то понял. Собрать нас всех – близких и далеких – вот к чему стремилась моя мама. Чтобы даже сухие веточки вновь зацвели. Удивительно, но стоило приехать моему двоюродному брату по отцу, вдруг чудесным образом дают командировку моему двоюродному брату по линии мамы. Никогда не давали, а тут за 10 лет его службы дали... И вот мы сидим в кафе – дети и я. И я чувствую счастье, я чувствую себя в них, и в себе их... И дети это понимают тоже. - Мамочка, здорово! У нас такая большая семья! Я на прощание поцеловала колючую щеку брата, и чувствовала тепло деда-бабушки и папы. И он это тоже почувствовал!

Источник: <http://eva.ru/kids/read-6914.htm>

Также читайте рассказы Дарьи Мосуновой:

<http://www.pravoslavie.ru/smi/36999.htm>, http://www.pravmir.ru/author/user_1405/
<http://www.livelib.ru/author/312710>, <http://eva.ru/articles/mosunova3.htm>

Два золотых дня

Есть два золотых дня. И об этих днях надо совершенно не беспокоиться. Они свободны от страха и ожиданий. Один из этих дней – вчера, со всеми его тревогами, страданиями, болью, ошибками, недостатками. Этот день ушел навсегда. В нем ничего нельзя уже изменить, исправить или предупредить. Этот день – в руках Божьих. Второй день, о котором надо учиться не тревожиться – это завтра, с его бременами, опасностями, даже бедами. Этот день в Божьих руках. Оставьте его Богу. Он заботится о завтрашнем дне.

Таким образом, для людей остается только один день – сегодня. Проходя этот день, надо прилежно и молитвенно совершать свой труд. Это долг каждого человека. Надо начинать этот день с молитвой и верой, что могучая десница Господа будет вести нас в этот день, как она вела нас вчера.

Где тревоги, там конец веры! Господь, умножь нашу веру!

Дорогие читатели!

**Не забывайте материально
поддерживать своими
пожертвованиями
монастыри Австралийско-
Новозеландской Епархии,
наш Свято-Николаевский
храм, журналы
«Церковное Слово» и
«Православный Вестник» .**

**Не оскудеет рука
дающего!**

**Morozov
Migration
Services**

Anna Morozov - специалист по
миграционному законодательству Австралии и
зарегистрированный миграционный агент
MARN 0852237, NAATI сертифицированный
переводчик (English-Russian), предлагает:

- бесплатную предварительную оценку шансов на получение виз в Австралию
- полное сопровождение иммиграционного процесса и/или платные консультации по вопросам связанным с визами:
 - независимая профессиональная спонсируемая штатом/работодателем студенческие визы - визы партнера
 - невесты - родительские визы
 - туристические и Skills Assessment
- профессиональный перевод документов

Звоните: 08 8365 5550 / 0403 168 731

Пишите: info@morozovmigration.com.au

Damien Elberg

Peter Elberg

**Peter Elberg
FUNERALS**

The death of someone close, whether expected or sudden, is always a stressful experience for family and friends. Important decisions and detailed arrangements need to be made with the caring assistance of someone whom you can really trust.

Serving the
Russian Orthodox Community
with professional care and
complete understanding

*Proudly South Australian
Owned & Operated*

280 Grange Road, Flinders Park SA 5025 Ph: 8234 1266

